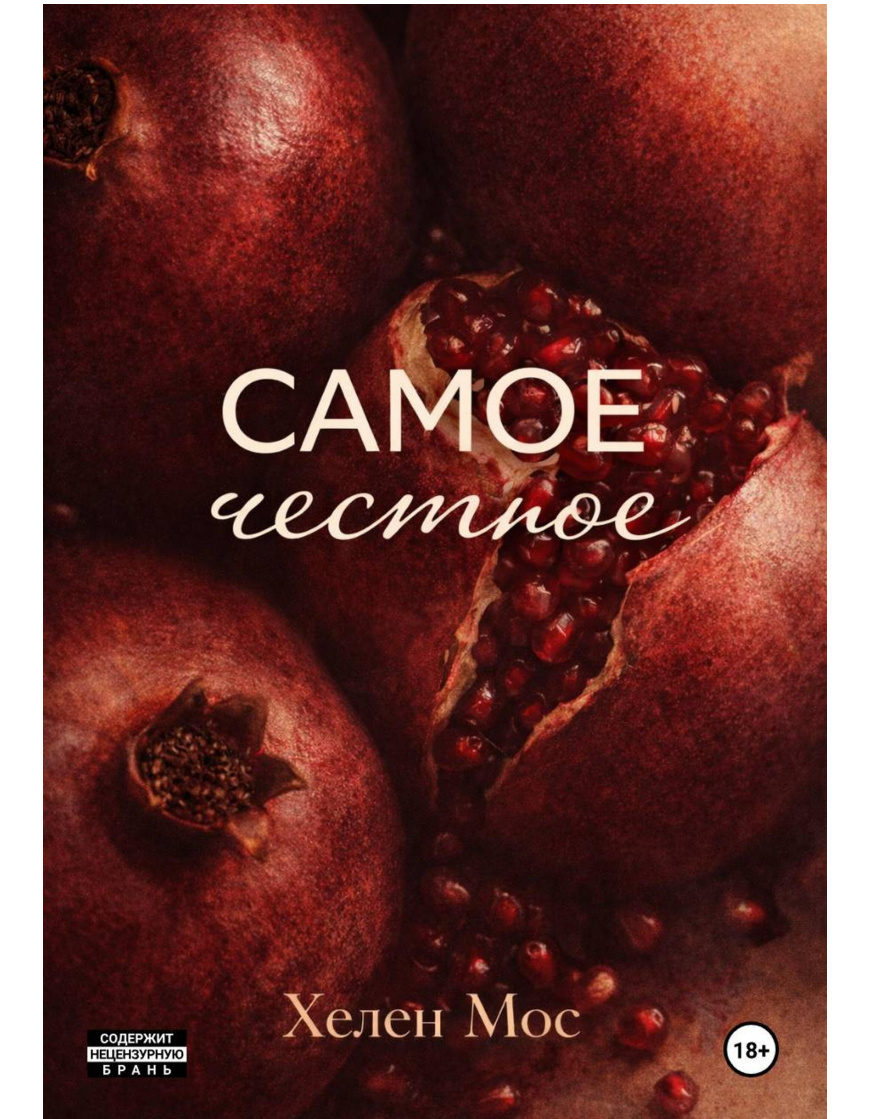

САМОЕ *честное*

Хелен Мос

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Хелен Мос

Самое честное

<https://litres.ru/74188603>

SelfPub; 2026

Аннотация

После второго брака матери я получила не просто новый дом, а соседство с человеком, который умеет выбивать землю из-под ног.

Артём — циник с лицом отличника, мажор, манипулирующий ради собственного развлечения. Человек, для которого «нет» значит «подумай ещё раз». И если бы самоуверенность пахла, от него бы разило за километр.

Мой сводный брат. Ночной кошмар. И самая грязная фантазия в одном флаконе.

Теперь нам остаётся научиться дышать одним воздухом — и не покалечить друг друга. Хотя бы физически. Морально в нашей игре правил нет.

Кто кого переиграет? Хороший вопрос. Но честнее спросить: кто из нас первым сдастся, когда всё оглушительно полетит к чёрту?

Содержание

От автора	5
Пролог	6
1. Новая «вынужденная» семья.	8
2. Яблоко раздора.	19
3. Вдруг поладим?	29
4. Не та обложка.	42
5. Согласие или агрессия?	49
6. Третий ящик справа.	60
7. Хреновый брат.	65
8. Моя территория.	74
9. Границы.	83
10. Привет из прошлого.	93
11. Не друзья.	109
12. Утро, музыка, ты.	118
13. Танцы на нервах.	132
14. Ты это заслужил.	144
15. Ротвейлер — мой?	151
16. Гав.	159
17. Временная мера.	180
Конец ознакомительного фрагмента.	193

Хелен Мос

Самое честное

*Ни одно правило, ни один моральный ориентир
не оправдывает того, что было.*

Но, чёрт возьми, это было так честно...

Повторим?

От автора

Дорогой мой читатель!

Прежде чем ты начнёшь, считаю нужным сразу кое-что прояснить — я очень люблю мат. Очень. А ещё откровенные сцены, диалоги со вторым дном, комедию и, конечно же, драму. Ах да, химию. Между героями «Самого честного» коротит не по-детски. Надеюсь, ты это оценишь.

Если тебя всё устраивает — приятной бессонной ночи.

Твоя, Хелен Мос.

Пролог

Что вы чувствуете, когда закрываете глаза? Куда уводит вас память?

Если вы в гармонии, мозг выстраивает привычный маршрут по нейронным связям туда, где когда-то было по-настоящему безопасно. Но если вы живой человек — эти связи перебросят вас в ту точку, где когда-то пришлось сделать выбор.

Выдохни: раз, два, три.

И скажи себе: «Я сделал всё правильно, я благодарен себе за это...»

А теперь снова закрой глаза. Чувствуешь?..

Я закрыла глаза и уткнулась лбом в холодное зеркало, немного отрезвляющее скачущий разум.

Щёки обдавало жаром. Губы — опухшие, с бесстыже влажными следами, — пульсировали алыми пятнами. Волосы сбились к вискам. Где-то на ключице темнел след — то ли от его пальцев, то ли от губ. Всё тело звенело.

— Я не смогу?!... — зло отчеканила сама себе, не отрываясь от отражения. От этой совершенно глупой, трусливой и незнакомой мне девушки.

Взгляд опустил­ся ниже — на расстёгнутые пуговицы, на то, как от каждого вдоха под ткань­ю выделялась грудь. Провела пальцами по шее медленно, точно по тому месту, где только что были его поцелуи, а теперь пусто.

Выдох. И я снова закрыла глаза.

Раз. Два. Три.

Прислушалась к себе — к сердцу, которое билось так высоко, что казалось: оно упирается в горло и насильно выдавливает воздух.

Ладно... если всё совпадёт... у меня больше нет оправда­ний.

1. Новая «вынужденная» семья.

Лица

Иногда новости приходят не в конвертах и не во всплывающем окне мессенджера. Они просто садятся напротив, заказывают капучино и неспешно ковыряют «наполеон» ложка за ложкой. И улыбаются так до отвращения искренне, будто не перевернули только что твою жизнь к чёртовой матери.

Вот так, в один скучный день, по щелчку пальцев крепких, слишком идеальных, как по мне, мужских рук — моя жизнь разворачивается в другую сторону. Мама зовёт меня в кафе на углу «просто поболтать». То самое место, куда мы раньше ходили всей семьёй, в лучшие для меня времена.

Ничего не предвещает... катастрофы. Да, я знаю, обычно говорят «беды», но беда — это слишком мягко для того, что накрывает меня дальше. Маленькие столики у окна, запах кофе и чесночного хлеба, завсегдатаи спорят у барной стойки. А я? Ковыряю вилкой пасту и жду.

Жду, когда мама наконец перестанет играть в светскую болтовню и перейдёт к сути.

Её «мы так давно не болтали» сразу садится комком в горле. Предчувствие, мерзавка-интуиция, снова шепчет: сейчас что-то будет.

И вот оно — между «перемены всегда к лучшему» и «надо

выбираться из этой дыры» я мысленно огрызаюсь: *ну давай уже ближе к сути, мам...*

И суть материализуется сама. Высокий мужчина в идеально сидящем костюме подходит к нашему столику с такой уверенностью, словно интерьер сам подвинется, уступая ему место.

Я поднимаю глаза на маму. Её нервная улыбка говорит громче слов.

— Лика, знакомься, это Влад. — Её голос дрожит, но она тут же натягивает ровный тон. — Мы сегодня... расписались.

Нет, конечно, я не наивная дура. Странное поведение мамы последние полгода не заметит только слепой: она ведёт себя как шестнадцатилетка.

Но чтоб вот настолько серьёзно?!

Я моргаю. Раз. Два.

И не нахожу ничего лучше, чем снова уткнуться в тарелку и продолжить есть своё «песто». Мне нужно время. Мне нужно переварить.

Мужчина чуть улыбается и протягивает мне руку:

— Можно просто Влад.

Блин, да у него что, виниры?! Мам, ты кого отхватила?

Низкий голос, выверенный почти до дикторского. Ровная осанка, загар. Тёмные, аккуратно выстриженные волосы. Пиджак сидит безупречно. *Его что, отпарили прямо на нём?*

Если откровенно, походит больше на Кена из Барби чем

на живого мужчину.

Ладно. Я же его не знаю, может, и не плохой. Но точно абсурдно-идеальный. Так и тянет взять и испортить ему пробор.

— Я не могу называть вас Владом. Это... странно, — с напускным высокомерием запуская прямо в него.

И он улыбается ещё шире. Не проймёшь.

— Тогда Владислав Геннадьевич?

Блин, ну хоть глазом моргни, робот.

— Так ещё хуже, — добиваю я и искоса смотрю на маму.

Она явно ждёт, что я смягчусь и приму происходящее как данность.

Прости, мам. Иногда я и сама себя еле терплю за острый язык. Но о таком надо бы предупреждать заранее.

Доедаю пасту, аккуратно кладу вилку на тарелку и слышу то, что, видимо, является финалом представления:

— Мы переезжаем к нему через две недели. Дом в Подмосковье.

Я киваю, будто всё понятно.

Ладно. Дом — хорошо. Просторно и свежий воздух. Я за вас рада.

— Отлично, я буду вас навещать, — выдыхаю и тянусь к стакану, чтобы занять рот. Иначе точно ляпну лишнее.

Но они оба продолжают смотреть на меня, точно не как на человека, который сказал что-то умное.

Что?! Я что-то упустила?

— Милая... я продала нашу квартиру. Мы едем вместе.
...Занавес.

Слёзы застилают глаза.

Не помню, какими силами телепортируюсь в уборную. Захлопываю дверь и только тогда ощущаю: воздуха катастрофически не хватает.

Дыши, Лика. Дыши!

В голове гул, будто кто-то монотонно стучит молотком:

Я. Продала. Квартиру.

— Чёрт!

С силой вцепляюсь в раковину. Ничего не чувствую — ни онемевших пальцев, ни мокрых капель на холодном фарфоре. Поднимаю взгляд и сквозь солёную, щиплющую пелену фокусируюсь на своём отражении: русые волосы в небрежном пучке. Веснушки, проступившие после первого солнца. Опухшие от слёз голубые глаза...

Привычное лицо.

А внутри что-то необратимо сдвинулось, перевернулось, пошло вразнос. В самых знакомых уголках теперь... пусто.

«Мы переезжаем к нему. Не понравится — вернётся. Я помогу устроиться...»

Как можно это говорить с такой лёгкостью? Будто всё происходящее не переезд, а дегустация в лавке фермерских сыров?

Замужество — ладно. Переезд — терпимо. Но уехать за сотни километров от родного Калининграда? Продать дом, где всё ещё в стенах живёт его голос?!

Мне пять. Мама хлопочет на кухне, из радио льётся джаз. Я ещё не знаю, что это, но мне нравится. Пахнет яблочным пирогом и дождём. За окном каштаны, выше дома, и солнце просачивается сквозь их листву.

Щёлкает дверь.

На пороге папа. Я бегу к нему со всех ног. Крепко жмусь — он холодный, мокрый, борода колючая. Я хохочу. Он пахнет папой: табак и любимый одеколон.

— Мышка, — опускает меня на ноги, и я слышу знакомый шелест в его кармане. — У меня для тебя кое-что есть.

Я визжусь так, что мама ахает.

— Лимонное печенье!

— Ну конечно. Сегодня же пятница!

Позади три года.

Его не стало, когда мне было почти шестнадцать. Три года без его смеха, без привычных слов поддержки, без самого вкусного на свете печенья в шуршащем пакете каждую пятницу — наш особенный ритуал.

А теперь... мама снова улыбается. Снова влюблена. И в её глазах ни тени из прошлого. Просто взяла и вышла замуж.

Я тру ладонями лицо, кожа вспыхивает, становится алой.

Нужно прийти в себя. Нужно умыться.

Пытаюсь порадоваться за неё.

Честно. Но новость о продаже квартиры выбила почву. Всё, что осталось от отца, уместили в пару строк договора купли-продажи и подписали не глядя.

Ну здравствуй, новая реальность!

Мама сияет, будто вся эта новая жизнь — её долгожданный подарок. А я, напротив, молча упаковываю свою. Поражаюсь, как много воспоминаний уместается в трёх несчастных коробках.

Через две недели, как было обещано, мы переезжаем к нему. В дом, где, по моим ощущениям, уместилось бы не меньше пяти наших старых квартир.

Дом в тихом посёлке Подмосковья.

Забавно, вся суть дорогого района буквально витает в воздухе: тут пахнет соснами... и бензином от внедорожников. Преимущественно чёрных.

— Выше нос! — обрывает мои мысли мама.

Я плетусь за ними, будто на экскурсии в ботанический сад. Влад распахивает дверь перед моим носом. Я честно пытаюсь сдержаться... но нет.

— Так красиво, — фальшиво улыбаюсь Владу. — Впечатляет, что у вас руки из нужного места: так ровно выстричь шары, — киваю на кусты вдоль дорожки. И с удовольствием

впитываю секундное замешательство.

Шах и мат.

Уверена, ты и садовых ножниц в руках не держал. Ни разу.

Влад натягивает улыбку и не находит ничего лучше, чем жестом пригласить меня войти.

В доме, как и предполагалось, ни единого намёка на спонтанность. Прихожая с полом из светлого камня. Минимализм такой, что шаги отдаются эхом. Дизайнерская мебель без царапинки, словно её собрали пару часов назад. А в воздухе — терпкий дорогой аромадиффузор.

Пыль? Навряд ли она успевает осесть до появления горничной.

— Там твоя комната. — Мама указывает на второй этаж.

Вдоль лестничного пролёта, на стенах чёрные рамы. Ни единой живой фотографии, только безликие постеры с абстракцией. Стильно и бездушно.

— Давай мы тебе ещё кухню покажем и отпустим к себе, — улыбается мама тепло, но чуть напряжённо.

Я решаю смягчиться. В конце концов, дом и правда прекрасен. Просто не мой.

Оглядываю помещение, в которое шагаем следом.

Кухня поражает ещё сильнее. Она огромная! Организованная до педантичности: мебель в потолок, деревянные фасады, на столешнице дорогуший мрамор. Я невольно усмехаюсь — мама наверняка в восторге. Она всегда обожала го-

товить.

Судя по всему, и вышла за него из-за духовки или кофемашины. Но, глядя на это, осуждать её как-то не поворачивается язык.

Прохожу вдоль острова, проводя по столешнице пальцами.

— А это мой сын. Артём, — неожиданно произносит Влад.

Кивает в пространство позади меня, а после целует маму в висок.

— Он живёт со мной, пока доучивается в МГУ.

Точно, про него я чуть не забыла.

Дано: имя — Артём. Возраст? Мой ровесник, но я не уверена.

Оборачиваюсь, шаркая кедами по полу, и вижу в проеме парня. Оценить его мне хватает пяти секунд:

Первая: рост. Под метр девяносто.

Вторая: фигура. Широкие плечи, подтянут, но без фанатизма. Вряд ли он спит в зале.

Третья: глаза. Тёмные, как кофе. Без сахара. И без шанса отвести взгляд.

Чуть растрёпанные волосы, лёгкая щетина. Футболка простая, чёрная, но сидит так, будто её надели прямо на голое это.

Стоит в дверях, прислонившись плечом к косяку, лениво потирая борта кружки. Во взгляде что-то выжидающее,

я никак не могу разобрать... Не враждебность, а скорее холодное любопытство.

Отчего-то мне становится не по себе.

Блин, Лика, ты пялишься дольше пяти секунд!

Он кивает маме. А меня обводит холодным взглядом, будто нарочно откладывая момент знакомства.

Может, стесняется?

— Я Лика, — не удержавшись, улыбаюсь зачем-то чрезмерно мило.

Ну, а что? Мы же вроде теперь в одной лодке.

— Я в курсе, — слышу в ответ, и от возмущения у меня приоткрывается рот.

Что, блин?

Даже не попытаешься изобразить вежливость? Думаешь, смазливой мордочки достаточно?

Артём

Быстро сканирую Лику.

Мелкая, без косметики, на вид не больше семнадцати. Нелепый пучок и огромное серое худы.

Миленко.

Если бы ещё два пучка — была бы похожа на мышь.

Дико хочу спать, допиваю остаток кофе и киваю ради приличия. Просто мечтаю поскорее рухнуть в кровать.

— Я Лика, — выдаёт сестрёнка и растягивает улыбку.

Чего ради?

Прости, Мышь, ты оказалась не в том месте, не в то время.
— Я в курсе, — бросаю первое, что приходит в голову с видом, будто всё о ней знаю. Хотя ни хрена.

И клянусь, губы этой девчонки лучшее, что я видел за сегодня.

Точнее, видеть, как с них сползает эта показная улыбка.
А чего ты ждала?

Я узнал о твоём существовании только утром, а уже через восемь часов ты стоишь посреди моей кухни.

Моей, блин! С чемоданом и мамой в придачу.

Гребаный день.

Ошибка номер один: вчера завалиться в бар, среди рабочей недели. Всегда жалею и всегда повторяю.

Ошибка номер два: притащить из бара блондинку. Алиса или Арина?.. Не суть.

Ошибка номер три: поспать всего пару часов, зацепиться утром с придурком на дороге. Забить на пары, забить на работу.

И тут этот «подарок судьбы».

Уже собираюсь свалить ввиду завершения милой беседы. Когда прилетает то, ради чего я не прочь задержаться.

— Тебя, видимо, не учили: обычно в таких случаях говорят: «Рад знакомству».

Она замирает в полуметре от меня и хлопает, блин, ресницами.

Дерзкая, что ли? Окей.

— А я не люблю врать, — специально смакую слова, чтобы наверняка расслышала. — Но ты можешь продолжать улыбаться, если тебе так привычнее — притворяться.

Демонстративно делаю глоток.

Теперь очевидно — ты здесь лишняя.

На секунду залипаю на ее глазах, кажется, они увеличились вдвое. Не могу разобрать, они голубые или с зеленым...

— Так лучше? — Звонкий голос отвлекает, и я переключаюсь на её губы: они становятся ещё шире, а следом перед моим носом мелькает «фак».

Кажется, Мышь бунтует.

— Да. Вот так хорошо, — парирую в тон, пока она кидает вопросительные взгляды на родителей, безучастно пожимающих плечами.

Кофе холодный, но стал каким-то особенно вкусным.

Новоиспечённая сестра уходит, а я не могу отказать себе в удовольствии:

— Ну, удачи, — кидаю ей вслед. — Не заблудись в коридорах.

— Спасибо, Артём!

Моё имя со славным раздражённым привкусом растягивается в воздухе. А следом мне прилетает ещё один добрый жест в виде среднего пальца.

Что-то мне даже спать расхотелось.

2. Яблоко раздора.

Ли́ка

Счёт — 1:0

Открываю глаза и секунду не могу вспомнить, где я. Комната вдвое больше моей старой. Молочные обои, деревянный стол у окна. Солнечный свет, цепляясь за льняные шторы, растекается золотым пятном по пушистому ковру. В углу кресло с аккуратно сложенным пледом.

Его туда поставили явно для фото в соцсети.

Мама постаралась — красиво, идеально. Но от этого я скучаю по своей тесной старой квартире ещё больше.

Под подушкой вибрирует телефон. Нашупываю и вчитываюсь в СМС от подруги.

Полина: *Ты куда пропала? Не терпится наконец узнать, как начинается день у элиты. Ты же не бросишь меня из-за социального неравенства?*

Ли́ка: *Ха-ха. Я в сказке: новый институт, ноль друзей. Зато у меня кровать с балдахином. Планирую вылезти из неё только ради каникул у тебя.*

Полина: *Соберись, крошка. Всё не так плохо. Выпей кофе, пройдишь и шли фото!!!*

Я скоро сдохну от любопытства.

Печатаю: «Ладно. Скучаю», — и снова зарываюсь в одея-

ло с макушкой.

Мысль остаться в этой вполне безопасной золотой клетке кажется разумной. Но голод и перспектива найти душ звучат куда убедительнее.

Ладно.

Всё же заставляю себя выбраться из постели. В чемодане хватаю первое, что попадаете под руку: светлые пижамные штаны и хлопковый топ. Волосы собираю в пучок.

Сначала — кофе. Потом — душ. Строю планы, как выжить ближайший час, уже в коридоре, натягивая любимый худи. Едва просунув голову, путаюсь в капюшоне и врезаюсь во что-то.

Девушка.

Она на цыпочках выскользнула из комнаты Артёма так тихо, что я бы и не заметила, если бы не этот «почти» шпионский манёвр.

— Ой, извини, — бросает она, выпрямляясь, и неловко одёргивает платье. — Не подскажешь, вниз по лестнице... а потом?

Худенькая, загорелая. Короткое платье, растрёпанные белокурые волосы, на губах скудные остатки помады, а на лице — отсутствие сна.

Любопытно.

— Если ты о выходе, то налево, — отвечаю с искренним желанием помочь незнакомке выбраться.

Немой обмен вежливости. И почему-то неловко становит-

ся уже и мне: будто мы обе застуканы. Женская эмпатия недооценена.

Она шлёпает босыми ступнями по лестнице. А я молча иду за ней, делая вывод: ну да, всё-таки он немного ходячий тестостерон.

— Слушай... — резко оборачивается блондинка и почти шепчет в мою сторону. — Неудобно просить, но... Ты, наверное, сестра?

Я киваю.

Звучит странно, но похоже, что так.

— Отлично. А можешь передать ему, что я буду завтра на том же месте?

Я даже теряюсь: сложно представить, как именно буду это ему доносить.

— Он поймёт. — Девушка не сдаётся. — Хотя, наверное, лучше номер оставлю. Скинешь ему?

— Да, без проблем. — *Отлично, Лика. Пряма сама себе могильщик. Как ты ему это подашь? «Позвони этой красотке»? Ага. Представляю, с каким выражением он тебя пошлёт.*

Вопреки здравому смыслу достаю смартфон. Она вбивает свой номер и сохраняет под именем *Крис*.

Отвечаю взаимной улыбкой на её благодарный взмах рукой и наблюдаю, как она исчезает с той же скоростью, что и возникла.

Ирония судьбы: их следующий секс теперь зависит от мо-

его настроения.

А будет подло, если я начну его шантажировать?

Идеи, как провести этот день, так и кружат в моей голове, пока я ступаю на кухню. Холодный пол обжигает ступни. Осматриваюсь: ваза с фруктами на мраморном острове, встроенная техника, колонна с кофемашиной, дисплей — словно пульт управления космическим кораблём.

Которым, к сожалению, я не умею пользоваться.

Кого это останавливало?

— Только попробуй не работать, — бормочу себе под нос и тыкаю первую попавшуюся кнопку.

Машина жалобно пищит, мигает красным... и замолкает.

— Серьёзно? Я кофе хочу — подчиняйся! — Даю машине оплеуху и жму ещё раз. Писк. Пауза. Две жалкие капли. И всё.

Ладно, это сложнее, чем показалось. Наклоняюсь, пытаюсь разобраться, когда за спиной гремит знакомый надменный тон:

— Не тот режим. Стоит подача воды, — слышу я и невольно вздрагиваю.

Ну, конечно. Стоит подача воды. И без тебя бы разобралась...

А что это вообще значит?

Прикидываю пару секунд: кофе сейчас важнее. Наверное, независимость подождёт.

— Мне нужна консульта-аа-ция, — оборачиваюсь и зави-

саю на полуслове.

Артём.

В одних спортивных штанах, босой, сонный. Без футболки. С каким-то наглым видом, уверена, каждое утро просыпается и аплодирует себе в зеркало.

А я тут изображаю взрослую и независимую. Ха!

— Душ дальше по коридору, — кидаю взгляд на его плечи, скольжу ниже, к прессу, и возвращаюсь к лицу. Намёк очевиден: майка была бы не лишней. И с долей демонстративного «обойдусь без тебя» я возвращаюсь к кофемашине, нажимая на рандомные кнопки.

Просто сделай вид, что его здесь нет.

Чёрт. Он здесь.

Подходит вплотную. Молча тянется к ящику с капсулами — прямо через меня, едва задевая спину. Я замираю на вдохе: древесный аромат с мятной ноткой и?..

Выдвижной ящик внезапно подталкивает в живот, и я вынужденно отступаю назад.

Прямо в него.

Что, разумеется, его нисколько не смущает. Оставаясь на месте, он неторопливо вставляет капсулу и нажимает кнопку.

Даже «космический аппарат» под его движениями оживает и послушно берётся за дело.

— Вау, — тяну я с язвинкой и мигом телепортируюсь к холодильнику. Чем дальше, тем безопаснее. — Я так пони-

маю, инструкции по кухонной технике — единственное, что ты осилил за свои двадцать лет?

— За двадцать два, сестрёнка, — поправляет он, устраиваясь напротив. Опирается поясницей о мраморный остров. — Плюс... шесть томов по гражданскому праву, комментарии к Арбитражному кодексу и ещё пара тысяч страниц судебной практики.

Замолкает и явно оценивает, насколько меня впечатляет тщеславный список.

— В отличие от тебя, я читаю не только надписи на шампуне, — ленивая снисходительность в тоне, вызывает у меня стойкое желание его чем-нибудь треснуть.

— Ого. Закончил? — бросаю я в той же тональности, уставившись на него.

Он лениво кивает.

Хорошо, теперь мой черёд.

— Во-первых, я тебе не сестрёнка.

— Во-вторых, я читаю побольше твоего и не какие-то там «юридические романы», — рисую кавычки в воздухе, — а глубоко психологическую литературу.

Плевать, что нет такого понятия, я вошла во вкус.

Нарочно делаю паузу и наклоняюсь ближе, будто собираюсь доверить ему самое важное.

— А в-третьих... я бы на твоём месте была повежливее, если ты хочешь заполучить номер Крис.

Я вроде как не собиралась шантажировать, но, к слову,

пришлось. Выбесил.

— Крис? — почему-то удивляется он.

Замешательство в его чертах становится настолько убедительным, что я готова поверить, что эта чёртова «Крис» мне померещилась.

— Эээ... — недоуменно моргаю, — ...ну, девушка, которая утром выходила из твоей спальни. Крис...тина, наверное.

И, чтобы наверняка дошло, обвожу ладонями очертания её сногшибательной фигуры на себе.

Он усмехается:

— Во-первых, твоя пантомима, — повторяет с издёвкой мои махи руками, — не имеет ничего общего с реальностью. Слишком... плоско. — *Ещё немного и точно тресну.* — А, во-вторых, с чего ты вообще взяла, что мне нужен её номер?

— В смысле?! — Я уже едва не захлебываюсь от раздражения, пока в голове вовсю звучат лекции по морали. — Она же, блин, провела с тобой ночь! И, о сюрприз: она ждёт продолжения. Так действуй!

Я правда пытаюсь понять кто из нас идиот.

— А я не хочу, — отнекивается он с совершенно невозмутимой миной.

Блин, ты реально тупой?

— Ты прикидываешься? — хватаю смартфон, пролистываю контакты и почти тычу экраном ему в лицо. — Вот её номер. И что мне прикажешь делать? Я обещала, что скину.

— Понятия не имею. Хочешь — сама позвони, подружись. Она вроде умная, хотя... я не уверен, нам было слегка не до диалогов.

— Фу, отвратительно и бестактно! — вырывается с исключительной неприязнью.

Когда он отталкивается от острова и делает шаг ко мне, я невольно замираю.

— Бестактно то, — он тянется к чему-то позади меня, по касательной задевая запястьем моё бедро. Ящик захлопывается, и я тут же отдёргиваюсь, — ...что ты, мелкая, лезешь куда не просят.

Берёт яблоко из корзины и возвращается к острову. Даже не смотрит прямо, а будто поверх меня.

— Может, тебе просто скучно, — продолжает, лениво покручивая яблоко в кисти. — Или... завидуешь. Ведь жизнь у других пока интереснее, чем у тебя.

Мелкая?! Завидуешь?!

Я жадно хватаю воздух и делаю над собой титаническое усилие, чтобы не огреть его чем-то тяжёлым. А он с хрустом откусывает и, как ни в чём не бывало, протягивает мне фрукт — с такой ангельской улыбкой, словно предлагает не яблоко, а перемирие.

Да хрен тебе! Мы точно не поладим.

— Нет уж, спасибо, — отодвигаю его руку, как если бы смахивала пыль. — Боюсь подцепить что-нибудь... вене-ри-чес-ко-е.

Щурюсь, с трудом дотягивая последнее слово. Оно вылетает прежде, чем я успеваю осмыслить.

А ему, кажется, пофиг. Прищурившись, он коротко усмеяется. Обдумывает, как на меня реагировать или просто получает удовольствие?

Чокнутый мазохист.

Внутри меня нарастает так, что вот-вот прорвёт. И я всерьёз принимаю решение остаться без кофе. Делаю шаг, когда он слегка наклоняется, провоцируя внезапный мандраж по спине. Моё дыхание учащается и сразу глохнет.

Тонет во вкрадчивом шёпоте прямо над ухом:

— Для этого... тебе нужно взять в рот кое-что поинтереснее... яблока. Ведь судя по смелости, тебе уже можно.

Блядь!

— Что?! — я на секунду теряюсь. Мозг отказывается включаться.

Он чуть отстраняется, но взгляд не отводит:

— Говорю, прежде чем открывать рот, мелкая, убедись, что готова принимать последствия. — Его голос скользит по мне, как нож, оставляя насмешливый след.

Нахальные тёмно-карие глаза не моргают. Он просто стоит, ест своё чёртово яблоко с невозмутимостью, будто придерживает меня на поводке.

Я сглатываю.

— Ты охренел?! — сквозь оцепенение вырывается яростно.

Мышцы сами сжимаются. Дыхание режет. И я мощнейшим толчком врезаю ему в грудь, так что яблоко выскальзывает и укатывается куда-то на пол.

— А ты совсем поехала? — Он ухмыляется.

Будто моя агрессия нисколько его не удивляет, а даже смешит.

Чёртов придурок!

Отворачиваюсь. Судорожно стряхиваю с себя воздух, словно это единственный способ избавиться от его голоса, от его запаха, от надменного взгляда — самого факта его присутствия.

Он даже не дожидается ответа. Разворачивается и уходит, в дверях сталкиваясь с родителями.

— О! Доброе утро. Вы уже тут? — почти нараспев выдаёт мама.

— Ну и придурок! — кидаю я ему вслед, даже не потрудившись притупить громкость.

Мама вопросительно смотрит на Артёма, а он лишь пожимает плечами — невиннее некуда.

Игра началась. Счёт 1:0.

Пока что.

3. Вдруг поладим?

Ли́ка

Счёт — 1:0

Какой же высокомерный идиот!

Придурок. Хам, который не уважает чужие границы. Будто чужой дискомфорт — это забавная форма общения.

Поднимаюсь по лестнице и прокручиваю в голове всю эту сцену из кухни.

Может, я и перегнула с этой фразой про венерическое — но ответить так... мог только психопат. Гадко, мерзко, ещё и с этой своей фирменной улыбочкой.

Мне хочется как можно скорее покинуть этот дом. Стереть его лицо из памяти, голос и манеру говорить. Будто он сверху вниз смотрит даже на потолок!

К счастью, завтра — учёба. Если повезёт, сведу общение к минимуму.

Шансы поладить? Ноль.

Быстро принимаю душ. Наряжаться не хочется, поэтому надеваю джинсовые шорты и оверсайз-футболку, поверх накидываю джинсовку.

Прогулки всегда помогали выдохнуть. Переключиться. По крайней мере там, в Калининграде. Здесь же воздух суше, и даже весенний свет другой: плоский, выцветший, не

впитывающийся в кожу. Как будто и солнце искусственное.

Я выхожу за ворота, делаю глубокий вдох, и на мгновение кажется, что смывается груз неудачного утра.

День тёплый. Район тихий, почти безлюдный: аккуратные газоны, ровные дорожки, одинаковые дома за невысокими заборами. Красиво, но скучно — как в рекламе про тех, кто никогда не выходит из офиса. Как Влад.

Делаю пару снимков: фасад дома, вид с террасы, какую-то особенно старательную клумбу. Отправляю Полине: *в зоопарке пока спокойно.*

Когда возвращаюсь, в доме уже тихо. Артёма нет, и это чертовски радует.

Из кухни тянет ароматом розмарина и запечённого сыра. Мама тихо гремит посудой. А я сворачиваюсь на диване, поджав ноги, и включаю фоном какой-то старый фильм.

Просто рассеянно пялюсь в мелькающие картинки, едва слушая.

— Лик... Сегодня у нас первый семейный ужин, — доносится мамин голос.

Я лениво киваю, скорее себе.

Влад должен вернуться к восьми. Артём, надеюсь, не вернётся вовсе. А я ловлю себя на ощущении, что наблюдаю за всем из аквариума.

Чужой сценарий, в котором я — лишняя. И пока у меня есть эта пауза, я не упускаю возможности ею насладиться, медленно погружаясь в сон.

Артём

Первый, мать его, семейный ужин.

Пытаюсь вычлени́ть из отцовского «вернись пораньше» хоть тень рациональности. Её там нет. С каких это пор домашние спектакли стали поводом бросать дела и нестись сломя голову?

Паркуюсь во дворе, на ходу пишу коллеге внушительный список того, что не успел закончить.

— Разумно. Завтра допоздна разгребать, зато сегодня поужинаю «семейно», — ворчу под нос и усмехаюсь сам себе.

Прям слышу голос деда: «*Quelle comédie!*»¹

Захлопываю дверь своей «тачки», вхожу в дом и столбею. Первое, что бьёт в нос, — запах. Аппетитный запах домашней стряпни.

Не помню, когда в последний раз у нас в доме пахло приготовленной едой. Обычно всё сводилось к коробкам с логотипами, чеку на пару тысяч и комплименту от ресторана в виде жвачки. А тут я будто ошибся дверью. Или вернулся в детство...

Мы что теперь, снова идеальная семья из рекламы майонеза?

Точно. Суета, приглушённые голоса — необычно, и это слегка бесит. Я стою, как дурак, посреди гостиной и вдыхаю аппетитные ароматы сыра, ещё чего-то...

Ладно, может, не так уж и бесит.

¹ «Какая комедия!» — перевод с французского.

— Ну я приехал! — громко объявляю, заметив отца. Он мимолетно кивает и быстро одёргивает: «Тссс», ука-
зывая на диван.

Перевожу взгляд — а там, блин, Мышь. Мирно сопит на
моём диване.

Я вопросительно развожу руками: какого хрена? Она что,
решила оккупировать весь дом?

— Я в душ, — уведомляю отца, но уже шёпотом. Поче-
му-то мышинный сон диктует нам правила.

Уже собираюсь пройти наверх, но хватает минуты, чтобы
зависнуть. Смотрю на неё и это странно во мне отзывается.
Лицезреть Мышь такой — без хамства и дерзости, отчего-то
мне нравится. Даже как-то приятно.

А это законно?

Одёргиваю себя, но продолжаю пялиться.

Ноги в джинсовых шортах. Бёдра. Я невольно цепляюсь
за них взглядом. Футболка едва прикрывает плоский живот.
Пряди волос падают на лицо — и так и тянет убрать их паль-
цами. Веснушки, пухлые губы...

Блядь. А сколько ей вообще лет?

Во сне она выглядит ещё младше. Младше, чем это бод-
рое, воинственное создание, с которым я сталкиваюсь днём.
Выдыхаю.

Душ. Мне нужен душ.

Лица

— Артём, разбуди, пожалуйста, Лику. У меня всё готово.

— Голос мамы медленно прорезает сон.

Я нежусь, нащупывая носом подушку. И ещё несколько минут лежу так, медленно осознавая смысл её слов.

Артём... раз-бу-ди... Адреналин тут же выстреливает по венам.

— Нет! Я не сплю!

Вскакиваю с дивана, и на мгновение у меня темнеет в глазах. Даже сонная, я не дам ему ни единого шанса приблизиться даже на миллиметр.

— А жаль, — лениво тянет Артём, облокотившись о косяк. — Во сне ты выглядишь адекватнее.

— Адекватнее тебя? — Награждаю его самой доброй из своих язвительных ухмылок. — Так это совсем не сложно.

Я, конечно, тоже не подарок. Но, если это соревнование, кто придурок, то приз заслуженно достаётся ему.

Не оглядываясь, прохожу в кухню, по пути стягивая волосы в хвост. И во мне щёлкает: *не испорти ужин. Лику, врубаем режим нормальность.*

Пахнет откровенно вкусно.

Лишённая даже утреннего кофе, не то, что завтрака (уличные булки не в счёт), я голодно осматриваю стол, проглатывая слюну на каждом пышущем блюде. И только потом замечаю детали: свечи, салфетки, судя по незнакомой этикетке, — бутылка дорогого вина.

Все рассаживаются, и на несколько голодных минут пови-

сает молчание. Только слышно, как вино тонкой струйкой наполняет бокалы.

Влад разливает всем, кроме себя, и наконец обрывает эту неловкость:

— Лика, ты завтра в университет? — искренний интерес в его глазах, таких же как у сына, слегка подкупает. — Мама говорила, ты учишься на психолога?

— Да. Третий курс, — отзываюсь непринуждённо, — и, если честно, переводиться посреди семестра не входило в мои планы, — вырывается, и я мысленно прикусываю язык.

План казаться нормальной — провален.

— Понимаю. А почему именно психология? — Влад мягко меняет тему.

Спасибо.

— Я... волонтёрила в старших классах, — признаюсь, слегка смущённо пожимая плечами. — Мы ездили в детские дома, и там я впервые столкнулась с детьми, у которых... потеря и боли больше, чем у многих взрослых. Растерялась, не знала о чём говорить, чтобы не обидеть, не ранить. Искала ответы — и неожиданно нашла их в книгах. Потом как-то затянуло...

— Лика хочет стать детским психологом, — дополняет мой монолог мама, стараясь звучать непринуждённо, но в голосе я отчётливо слышу гордость.

— Приятно слышать, когда у человека есть чёткая мотивация, — поддерживает Влад.

Приятно, что кто-то это замечает.

Невольно кидаю взгляд на Артёма — и о, боги, он оторвался от тарелки. Ни привычной ухмылки, ни желания отпустить ироничную шуточку. Просто смотрит, будто впервые разглядел во мне что-то стоящее.

Удивлён? Это тебе не надписи на шампуне. Мудак.

— Ну и анализировать психопатов, — бросаю, мельком взглянув на него, — тоже довольно увлекательно.

В карих глазах загорается интерес. Он понял, о ком идёт речь. И, блин, ему что понравилось?

Точно чокнутый мазохист.

Дальше ужин течёт в лёгком натяжении. Разговоры о еде, сериалах... Пару раз Влад отпускает шуточки, действительно смешные, и все смеются. А я ловлю себя на том, что наблюдаю Артёма между глотками вина: как он слегка морщит нос, когда откусывает кусок хлеба, как пальцы играют с бокалом, как едва заметно двигается кадык, когда он глотает. И каждый раз он кажется мне менее раздражающим.

Странно: в сочетании с алкоголем он даже немного мил.

В какой-то момент наши взгляды случайно пересекаются, я намеренно задерживаюсь — а он слегка приподнимает бровь, будто случайно. Не знаю, кто кого сейчас поддразнивает, но воздуха с каждым глотком мне уже не хватает.

Так, Лика, тормозим. Хватит вина.

— Спасибо. Было вкусно, — обрывает мой протест алкоголю ровный голос. — Мне пора.

Артём отодвигает стул, быстро выпрямляется и так же быстро исчезает в тени коридора. А мне внезапно становится скучно.

Влад почти сразу следует за ним, а я помогаю маме убрать со стола.

Она провожает взглядом мужа, потом, осторожничая, обращается ко мне:

— Ты зря так с Артёмом, — говорит тихо. — У вас ведь не такая большая разница. Вдруг и правда поладите?

Мама ставит салатник в раковину и продолжает свою браваду в честь нового идеального сына:

— Он умный, начитанный. У него наверняка хорошие друзья. А ты ведь пока ни с кем здесь не общаешься. Стоит хотя бы попробовать, Лик.

Да уж... Я даже представить боюсь, какие у него друзья. Наверняка такие же умные, начитанные и высокомерные пижоны.

Я молча убираю тарелки в посудомойку. Споры сейчас не для меня.

— Спокойной ночи, мам, — целую её в щеку. — Я пойду, ладно? Завтра рано вставать.

Долго ворочаюсь в постели.

День вымотал до предела, но мысли не дают сомкнуть глаз. Новый университет, курсовая, преподаватели, с кото-

рыми я ещё не знакома.

И всё это заново, снова с нуля.

Утыкаюсь лицом в подушку. Пытаюсь расслабиться, но всё какое-то не такое: простыня путается у щиколоток, подушка горячая, одеяло норовит сползти.

Каждое движение — пытка.

Ещё пятнадцать минут — и я намерена вскочить и выбежать дышать ночным воздухом. Засаекаю время. Снова пере-
ворачиваюсь и продолжаю ёрзать. Пока не слышу щелчок.

— Сестрёнка, не спишь? — мужской голос вынуждает за-
стыть.

Дыхание будто громче, чем мне хочется.

Почему я не оборачиваюсь?

Молча прикусываю губы, чтобы не издать ни звука.

Я сплю, я сплю.

Затишье. Мне наверняка померещилось. Я в этом уверена, пока совсем рядом не раздаётся скрип. Пугающий. Заставляющий сердце биться о рёбра с утроенной скоростью.

Какого чёрта?

Матрас пружинит, проваливаясь вместе со мной, и я сразу за спиной ощущаю тепло...

...торса? Кислорода в груди становится критически мало.

У меня открыто окно?

Чужая ладонь медленно проходит по моим волосам: сначала лениво перебирает пряди, потом сжимает и тянет так,

что у меня резко запрокидывается голова.

— Артём, что ты?.. — выдыхаю рвано.

И тут же умолкаю, потому что его выдох горячим следом ложится на кожу плеча:

— А вдруг мы поладим, Лика?

Его пальцы тут же ныряют под мою сорочку — дразнят бёдра едва ощутимым движением. Вверх-вниз, словно играет.

Бред.

— Смотри, как ты меня заводишь...

Ладонь соскальзывает с бедра на моё запястье и, удерживая, он нагло ведёт вниз к самому краю кожи под поясом брюк.

Я оборачиваюсь.

Хочу возразить, вышвырнуть, закричать в конце концов, но его почти незнакомый запах — тот, что был утром — накрывает, разом делая всё опьяняющим.

— Отпусти! — даже не пытаюсь крикнуть, голос срывается.

— Мелкая... — Опасная ухмылка сквозит в его тоне. — Не хочу пугать. Но если дёрнешься — я сделаю больно. Ты же этого не хочешь?

— Я не хочу ТЕБЯ.

— Правда?

Он скользит под сорочку, на этот раз вдоль живота, ниже — прямо в бельё.

И я предаю себя, выдыхая отвратительно громко.

— Странно... — шепчет он, продолжая изучающе меня ласкать. Движения сводят с ума. Я ёрзаю, не замечая, как нахожу его плечи и начинаю покусывать кожу.

— А ты такая мокрая, врушка.

Проваливаюсь.

Мягкие, медленные круги дразнят. Его губы находят мою грудь, жадно втягивают, оставляя мокрый ожог.

Мысли рвутся в клочья, когда он едва проникает: «*Нет... Нет... Нет... Господи, да! Ещё...*» Не успеваю опомниться, а уже двигаюсь в такт с его пальцами.

— Тебе нравится?

— Да... — выстаниваю тихо.

— Тогда давай громче. Не сдерживай.

Блядь! Что он делает? Почему я ведуь? Мои стоны становятся ярче, дыхание прерывается, ещё немного и я...

— Да... Умница... — Его поощрение срывает заслоны, и я дышу до пересохших связок, только бы услышать ещё.

Губы находят мои, жадно собирая звук. Я теряюсь, отвечаю на каждый укус, каждое движение языка. Всё становится нереальным, волна внизу живота разливается болезненной тяжестью, заставляя меня подчиняться — прогибаться навстречу.

Сама не понимаю, как оказываюсь под ним.

— Скажи, чего ты хочешь... — *Что?!* Он вдруг останавливается.

Чёрт! Неужели и так не понятно?

— Мне уйти?

— Нет! — раздражение ломает мой голос.

— Тогда скажи, чего хочешь.

Серьёзно?! Почему я должна говорить это вслух?

Мысли путаются.

— Да... я хочу тебя, — снова тянусь, но ему и этого мало.

— Не так, мелкая. Скажи так же грязно, как это звучит в твоих мыслях.

Чёрт! Гори ты в аду!

— Я хочу, чтобы ты трахнул меня. Доволен, мудака?! — шиплю и почти дотягиваюсь, чтобы отвесить пощечину.

Он резко хватает мои запястья, вжимает в подушку и входит. Грубо. Глубоко. Не давая ни секунды привыкнуть. Больно. Воздух вышибает из груди всхлипом.

Я кричу, бьюсь под ним, но он держит и жёстко берёт, будто что-то своё.

Теряюсь, ощущения мечутся между острой резью и сладким шлейфом.

— Сдайся, — слышу и застываю. Ловлю его опьяняющий взгляд.

Больше. Нет. Сил.

Отпускаю контроль, и сопротивление тает. Прежняя жестокость уходит, оставляя густое, плотное наслаждение. Тело сжимается, отзываясь пронизывающим каждую клеточку спазмом.

От собственного громкого стоны я... подрываюсь.

Не могу сглотнуть. Сердце бешено пробивает клетку, дыхание рвется короткими толчками. Кисти с силой вжимаются в простыни до онемения.

Всё ещё ощущаю жар от его пальцев, тяжесть тела, внутри отзывается пульсом, словно он ещё во мне. До жути реально...

— Твою мать!

Зажимаю лицо ладонями, стараясь прийти в себя.

В комнате пусто. Темно. Дверь по-прежнему заперта. Кроме собственного гулко-го стука в ушах — тихо.

— Да что с тобой, мозг? — глухо ругаю подсознание. — Можно было проецировать хотя бы Гослинга!

Переворачиваю подушку, достаю наушники и зажигаю смартфон. 2:04.

Музыка мягко обволакивает, вытягивая мысли обратно в реальность. Я устраиваюсь поудобнее и закрываю глаза, позволяя телу остыть, а сердцу — замедлить ритм.

Блин, Лика! Большие никакого вина!

4. Не та обложка.

Ли́ка

Счёт — 1:1

Свежий хлеб и молотый кофе.

Именно эти ароматы встречают меня утром. Я ставлю сумку у двери, стягиваю свитер и остаюсь в чёрной футболке, заправленной в светлую плиссированную юбку.

Высокая посадка дарит моим метр шестидесяти с небольшим бонусные сантиметры — и это радует. Волосы сегодня распущены, что для меня редкость. В зеркале это выглядело удачным решением. Я сто раз вертелась, пока не убедила себя: сегодня всё будет идеально.

Мама должна отвезти меня в университет, но пока она собирается, я решаю побаловать себя ещё одним кофе в дорогу. Маленькая радость в этом волнительном дне.

Я вставляю капсулу и на мгновение палец зависает над кнопкой. Вспоминаю, как это ловко делал вчера Артём. От мысли о нём сразу морщусь.

Всё срабатывает: машина негромко гудит, выпуская тонкую струю ароматного напитка.

Так-то!

— Опять ломаешь? — голос за спиной раздаётся так резко, что я едва не опрокидываю стакан.

Блин! А можно хотя бы в реальности не появляться так внезапно?!

Демонстративно оборачиваюсь и одариваю его недоброжелательным «приветственным» кивком.

Он устраивается за островом, явно довольный, что застал врасплох.

— Можно так и не дёргаться. Я, если что, на подхвате, но спасать каждое утро кофемашину слегка утомляет, — лениво потягивается и сладко зевает.

Бесит!

Кидаю на него ещё один предупредительный взгляд и за секунду оцениваю: ну, на нём есть футболка — уже хорошо. Серые спортивные штаны — вот это плохо. А можно их вообще запретить на законодательном уровне?!

Тёмные волосы слегка взъерошены, чёткие скулы — классика, взгляд сонный. Такой... непривычно мирный, словно накануне не сделал яблоко символом психологического насилия, и не довёл до физического во сне.

Интересно, а он способен на такое?

Для подсознания он монстр. Но... чёрт, мне что, понравилось?

Блин, Лика!

— Я умею нажимать на кнопки. Представляешь? — язвлю, пытаюсь приструнить свои мысли.

Снова отвлекаюсь на кофе: ищу крышку, корицу и бог знает что ещё.

Главное — показать всем видом, что разговоры с ним мне неинтересны. Или, если уж честно, не смотреть, чтобы больше не провоцировать флэшбеки из сна.

Артём

Три факта о ней, которые я понял за последние сутки.

Первое: раз она на третьем курсе, значит — ей есть восемнадцать. Это в корне меняет дело.

Второе: ей тоже понравился «Эль-Класико». Так что капсулы, скорее всего, я перепрычу.

Третье: она меня бесит. И чем она агрессивнее, тем больше я завожусь. Просто какая-то бойцовская мышь — чем сильнее шипит, тем больше хочется поддразнивать.

Она роется в ящике. А я, вместо того чтобы отвернуться, нагло разглядываю.

Сегодня она другая: волосы блестящими волнами по спине. И зачем их прятать в этот нелепый пучок? Тонкая талия так и просится в ладони. Ноги — длиннее, чем казались вчера. И эта короткая юбка, почти школьная...

Блядь. Сложно не пялиться!

— В школе сменили форму? — кидаю в воздух и мысленно запасаясь попкорном. Сейчас будет шоу.

Она выпрямляется и — о да! — смотрит на меня с тем самым прищуром. Мышка явно заводится. Не свожу с неё глаз, пока она медлит, но приближается.

— Ха-ха. Хочешь образы обсудить? — ставит стакан пе-

ред собой и облакачивается о край острова. В полуметре от меня.

Мне это нравится.

— Ну давай... — продолжает. — Ты даже футболку надел. А вчера что, не было чистых?

Забавная. Ну что ж, давай поиграем.

— До вчерашнего дня, мелкая, это был только мой дом. И я мог спуститься хоть голым.

Представила?

Она вскидывает брови, будто удивлена, но губы всё равно расползаются в улыбке.

— Хм... глубокие переживания? Так мило... — Глаза заблестели.

— Расслабься, малыш. Я не собираюсь отнимать у тебя дом.

Мышь, дом тут вообще ни при чём. Куда интереснее — наше соседство.

Она вдруг наклоняется, волосы рассыпаются по столу в замедленном кадре.

Я залипаю. Она так близко, что мне удаётся учуять аромат — ваниль, смешивается с терпким запахом кофе.

Чёрт, ты меня провоцируешь. На языке вертятся сотни вариантов, из которых я с трудом выбираю самый приличный:

— Нет, сестрёнка. Мило то, что тебя задевает даже моя футболка.

Пряди. Меня вдруг начинает раздражать, что они закры-

вают её глаза. В пальцах зудит оттого, как хочется это исправить.

Хреновая идея, Артём. Трогать её. Очень хреновая.

— Но, если тебе и так не комфортно... я могу снять...

Не смеёмся. Не шевелимся. Я даже не уверен, что произнёс это вслух. Осознаю, только когда уже чувствую её кожу под пальцами, заправляя выбившуюся прядь за ухо.

Она прикусывает губу до влажного следа. Синий взгляд опускается вниз.

Почему она не уходит?

Не знаю, какого хрена сейчас творю, но я уже прикидываю количество сантиметров, отделяющих меня от запрета.

Пять... Четыре...

Блядь. Я хочу её?

В каком-то бреде я двигаюсь медленно, зачем-то сокращая между нами количество воздуха. *Три...*

— Это. Не. Твоё. — Она выдёргивает стакан из моих пальцев, который я даже не заметил, как успел обхватить.

Я правда так пугаю тебя, Мышь?

— И знаешь, — она снова натягивает отстранённую маску, — что бы там не надумала твоя... пропорциональная голова — результат будет жалкий.

Пропорциональная?

Я улыбаюсь. Очень странный способ назвать меня симпатичным.

Едва успеваю осмыслить, как она хватается яблоко из кор-

зины, и впихивает в мою руку так рьяно, что я едва сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться в голос.

— Держи свои яблоки при себе. Усвоил?

— О да, сестрёнка, — тут же отзываюсь я, приподнимая бровь. — Шикарная метафора. Ты сама придумала?

Мышь закатывает глаза, а я мысленно удивляюсь: *Ты и про яблоки не забыла? Даже сама мысль, что ты о них думаешь, резонирует сейсмическим пульсом в штанах.*

Пока она натягивает свитер, я отмечаю каждое движение и тихо бросаю вслух:

— Маршрут перестроен.

Знаю, она слышит.

Мы движемся, Мышь, из пункта А (я) в пункт Л (ты). До конечной, без остановок.

Очень вовремя в дверях возникает Оля, приветливо машет мне и обращается к дочери:

— Готова?

— Угу, — кивает Мышка и смотрит на меня ещё раз. Ещё один полный удовольствия раз. А потом самоуверенной походкой направляется к выходу.

Вау... Что это было? Смотрю ей вслед и выдаю уже вслух:

— Вау!

Хлопает дверь, а в воздухе ещё держится её запах — сладкая ваниль с тёплой, едва уловимо пряной ноткой... дерзости.

Стираю ладонью с щеки это странное и отчего-то интригующее чувство. Будто сюжет заурядной книги внезапно свернул с маршрута — и стал поразительно интересным.

На какой, чёрт возьми, я сейчас странице?

5. Согласие или агрессия?

Ли́ка

Счёт — 1:2

Просторный и светлый вестибюль университета.

У информационного стенда толпятся студенты: водят пальцами по спискам, сверяясь с расписанием. У логотипа снимает сторис шумная компания. А я стою в стороне, чувствуя себя крошечной деталью во всём этом уже привычном для них укладе мира.

Сейчас мне остро необходимо услышать Полину.

Тянусь за телефоном, и взгляд невольно опускается на пол. Он отполирован до блеска тысячами подошв.

Как-то же люди переживают первый день?

Значит, и я справлюсь.

Шагаю мимо расписаний, краем глаза выхватывая своё имя и внезапно понимаю, что перестала дышать.

Ладно. Вот теперь точно паниковать поздно.

Аудитория постепенно заполняется, и вместе с этим разговоры перерастают в неразборчивый гул. Последние глотки кофе, последний скроллинг ленты и перебрасывание шуточными репликами, прежде чем на кафедре появляется преподаватель.

Мужчина около сорока, с живыми глазами и лёгкой

небритостью. На нём простая рубашка пастельных тонов и джинсы, но в осанке уверенность.

— Доброе утро.

— Для тех, кто забыл: я — Петренко Алексей Александрович. А сегодня мы говорим о молчании. Парадоксально, да? Но начнём с него.

Он с минуту перелистывает конспект, а после поднимает глаза.

— Как вы считаете, молчание — это форма общения?

Аудитория затихает.

С лёгким волнением перед новой аудиторией и чувством полной уверенности в теме я поднимаю руку.

— Думаю, да. Молчание — часть коммуникации. Оно может означать многое: от согласия до пассивной агрессии. Важно, в каком контексте, — отвечаю я, ощущая кожей, как внимание студентов переключается на меня.

— Интересно, — кивает преподаватель. — Но разве отсутствие слов можно считать полноценным общением?

На мгновение простой вопрос сбивает с толку, но я собираюсь и дополняю:

— Если собеседники считают значение молчания — то да. Это тоже язык. Невербальный.

— Можно добавить? — вмешивается подтянутая рыжеволосая девушка. — В паралингвистике, согласно исследованиям, молчание считается осмысленным элементом. Оно управляет динамикой диалога, может усиливать эмоцио-

нальное воздействие. Например, в терапии тишина часто используется как способ дать клиенту пространство.

Преподаватель выслушивает её с интересом, и уголки его губ ползут вверх.

— Вот это я понимаю, девушки, работа с понятием. Асю я уже знаю: отличница. — А вы.... — он обращается ко мне, — кажется, новенькая? Представьтесь.

— Анжелика Самойлова... — звучит немного робко, прочищая горло и дополняя: — перевелась из БФУ имени Канта, Калининград.

— Добро пожаловать. — Он в гостеприимном жесте раскидывает руки. — Вливайтесь.

Присаживаясь, я встречаюсь глазами с отличницей. Наши улыбки совпадают, и я даже немного позволяю себе расслабиться.

Странно, но определённо приятно.

После пары поток студентов молниеносно растекается по коридору. Я неторопливо собираю тетради, когда рядом возникает та же рыжеволосая девушка — волосы теперь аккуратно заколоты, а на лице приветливая улыбка.

— Ну наконец-то, — усмехается она. — Я уж думала, тут больше никто, кроме меня, учебники не читает.

Удивительно, как блеснув знаниями в первый день, когда категорически делать этого не собиралась, можно ненароком влиться в меньшинство.

— Я Лика.

— Ася, — она пожимает мне руку. — Очень приятно. Ты круто парировала, кстати. Препода обычно так просто не отпускает.

— Спасибо, — пожимаю плечами. — Немного повезло с темой.

Ася прищуривается.

— Немного странно, конечно, что ты перевелась в середине семестра. Обычно так не делают.

— Даже не спрашивай, — коротко усмехаюсь, с намёком, что за этим стоит целая история.

К Асе подходит высокий парень. Приятные черты лица, мелированные волосы и уверенная улыбка человека, который явно привык быть душой компании.

— Переплюнет тебя? — Он саркастично подталкивает бедром Асю. — Познакомишь?

— А сам стесняешься? — Ася закатывает глаза.

— Рома. — Он подмигивает. — Добро пожаловать на наш сумасшедший психфак.

Не успеваю ответить.

— Мы, кстати, в пятницу выбираемся в бар. — Он добавляет с улыбкой. — У нас традиция такая. Хочешь с нами? Никакой тягомотины, только танцы, пиво и парочка душевизирующих историй на лестнице у туалета.

— Даже не знаю... — смеюсь я.

— Подумай, — второй раз подмигивает Рома, и оборачиваясь: — Кстати, классная юбка.

Это что, подкат?

— Привыкай, — театрально утешает меня по плечу Ася.

— Это он ещё скромничает.

Только этого мне ещё не хватало...

Пары пролетают быстрее, чем я ожидала: преподаватели строже, материалы интереснее, а перерывы заполняются разговорами с Асей и её компанией.

Медленно, но верно я перестаю чувствовать себя чужой.

К вечеру, уставшая, но с тихим чувством удовлетворения, я возвращаюсь домой на такси.

Кажется, всё не так уж плохо — шепчет та, уверенная в себе, Лика из прошлого.

Спешу, улыбаясь во все тридцать два и предвкушая ужин. Я жутко голодная, как вдруг взгляд невольно цепляется за Maserati Levante: матовый кузов, тёмные стёкла...

Конечно, из меня ещё тот автоэксперт, но эти диски точно стоят как половина маминого авто. Тачка слишком эффектная, чтобы пройти и не облизнуться.

И я облизываюсь, пока не вижу, кто из неё выходит.

Естественно — Артём.

Белая рубашка навывпуск, слегка закатана в рукавах, чёрные брюки — строгий и аккуратный до занудства. Дорогой ремень, часы...

Да, он хорош — отрицать глупо. Но мудака от этого не перестаёт быть мудаком.

Я уже собираюсь пройти мимо, но обещание фееричного

шоу заставляет меня на минутку задержаться в тени. Пассажирская дверь распахивается и из идеального авто выходит не менее идеальная брюнетка.

Это уже перебор.

Высокая, с идеально уложенными в голливудские волны волосами, выцветшими на концах. Она в тонком белом жакете манерно опирается о капот пятой точкой, и пока мой... кто он мне?.. приближается, она театрально поправляет рукав.

Эта девушка явно привыкла ждать. Как минимум потому, что она брюнетка, а не вчерашняя белокурая Крис.

Пока его ладони находят привычное местечко на её плоской талии, я окончательно убеждаюсь: спальня Артёма — общественное пространство.

Мне стоит пройти в дом. Знаю. Но вместо безразличной проходки через весь двор, где я точно пересекусь с ними, я выбираю украдкой пялиться. А ощущения, словно я смотрю Animal Planet, где породистый самец обхаживает самую сильную самку в стае.

Артём прижимает брюнетку. *А если треснет капот?* Ладонь спускается ниже. Он что-то тихо бросает ей в губы, чего я точно не хотела бы слышать и облизывает её.

Фу! В этом я тоже не экспертный деятель, но это точно не поцелуй. Я морщусь, но продолжаю смотреть.

Лобзания спускаются по её шее, она поддаётся, сильнее запрокидывая голову и прикрывая нарощенные ресницы. Не

знаю почему, но мне очень хочется, чтоб они были таковы-ми.

Целуют её, а тахикардия почему-то начинается у меня.

Надо бы проверить гормоны.

Сморщив нос, я с любопытством наблюдаю до тех пор, пока нахальные карие глаза не врезаются в меня с ровно таким же интересом.

Он что, меня видит?

«Ну как тебе?» — подобный бред безмолвно транслирует его взгляд. Словно я зритель, а он ждёт оваций с первого ряда.

Только вот вместо оваций мне хочется провалиться под тротуарную плитку.

Чёрт, чёрт, чёрт... он ведь не сразу меня заметил?!

— Я не смотрела. Я не смотрела, — бормочу себе под нос и устремляюсь к дому.

Ускоряю шаг, но не успеваю: он ждёт меня на крыльце с до омерзения довольной ухмылкой.

— Прошу, сестрёнка, — распахивает дверь, жестом приглашая пройти первой. — Если бы мне было интересно, я бы даже спросил, как прошёл твой день.

Шикарная формулировка, мудак!

— Знаешь, — я поднимаю руку и выразительно постукиваю пальцем по его виску, — у нас в мозгу есть такие специальные нейроны, которые отвечают за эмпатию. Так вот. Если бы они у тебя были, я бы с удовольствием ответила: «День

прошёл замечательно». Жаль, нейронов нет.

Уже собираюсь сбежать, шагнув на первую ступень, как слышу:

— Правда? — Его голос звучит серьёзно, и я невольно оборачиваюсь, застывая на месте. — А утром мне показалось, что мы почти нащупали эмпатию. За минуту до того, как ты струсила и сбежала.

Какой же ты...

— Не понимаю, о чём ты, — шурюсь. *Боже, Лика... как это фальшиво звучит.*

Зачем я тебе?

Очередная галочка в списке?

Поднимаюсь на пару ступенек и всё же возвращаюсь.

Ну нафиг.

— Удивительно, Артём, как ты вообще успеваешь что-то нащупывать при таком плотном графике. — Киваю на девушку у машины. — Имена их не путаешь?

— Я стараюсь их не упоминать, — он усмехается. — Ну знаешь... «малыш», «детка»... им приятно, и я не ошибусь.

Ещё бы. С твоим табелем посещаемости кого тут упомянешь.

— Ты вот, например, Мелкая.

— Я не мелкая! Понял? — вспыхиваю и почему-то решаю накинуть год. — Мне девятнадцать вообще-то... почти.

— Почти — это восемнадцать или шестнадцать?

Я закатываю глаза, фыркаю — и уношу себя вверх по лест-

нице, пока не выпалила лишнего, о чём потом точно пожалею.

Эти диалоги ни к чему хорошему не приведут.

Артём

Целый грёбаный день я не могу выбросить из головы это утро.

Как она смотрела на меня, прикусывая губы. Как волосы рассыпались по столу и как я, какого-то хрена, убрал прядь волос ей за ухо.

Чёрт!

А теперь — «Не понимаю, о чём ты?...», «Как ты успеваешь нащупывать?...»

Мышь, может, у меня и нет нейронов — но ты точно не умеешь врать.

Молча поднимаемся, слегка обгоняя друг друга. Я сворачиваю в ванную, она — в свою спальню.

И чёрт меня дёрнул:

— Принесёшь полотенце, сестрёнка? — вбрасываю, не думая.

Сегодня ты меня вывела.

Она могла просто захлопнуть дверь. Вместо этого, замирает в проёме. Не смотрит. Но пальцы постукивают по обличке, задерживая.

Ты реально ответишь?

— А знаешь, что... — Голубые, слегка напуганные глаза-

ща наконец врезаются в меня. — Ладно.

Пиздишь.

— Правда? — Я ждал чего угодно, но точно не так быстро.

В ответ она легкомысленно пожимает плечами.

— Почему нет? Только если ты сам хочешь, — робко выдаёт Мышь, с такой сладкой улыбкой, что у меня не просто бровь взлетает — у меня, мать его, челюсть отваливается.

Это розыгрыш?

— Быстро загляну в комнату, — кивает на свою дверь, а пальцы ложатся на ручку.

Да что угодно, Мышь.

— Только... Давай я сразу отдам тебе кое-что важное, — добывает она, медленно запуская руку в карман. — Вдруг у тебя нет... а нам пригодится.

До меня не сразу доходит.

Да ладно?!

Серьёзно?

Блядь, если ты сейчас достанешь то, о чём я думаю... Клянусь, ты будешь стонать от восторга. Я отменю все свои планы. Нам точно одного не хватит.

Мышь задумчиво роется, а я ловлю себя на том, что уже готов сам сунуть руку в этот чёртов карман, лишь бы ускориться.

И наконец она достаёт — средний палец.

Она снова показывает мне фак!

Сучка!

Какая же ты сучка. Я почти повёлся. Уже представил всё до мельчайших подробностей... А теперь стою, улыбаюсь, как малолетний придурок.

Всё, что могу — расплываться в улыбке от этой гремучей смеси злости и дикого желания: прижать тебя к стене, отшлёпать за дерзость и жёстко трахнуть.

Прямо здесь, в коридоре.

Окей, Мышь, ты поднимаешь ставки.

Сама напросилась.

Я размашисто направляюсь к ней.

— Интересно, блядь. Покажешь побли...

Вслед за визгом дверь захлопывается прямо перед моим носом.

Даже не удосужилась дослушать!

Мелкая. Дерзкая. Трусиха.

Как же ты меня бесишь!

Минуту гипнотизирую дверь, осознавая, насколько я смешно сейчас выгляжу.

Не знаю, чего ты добиваешься, Мышь. Но факт: надрачивать на тебя в душе, уже входит в привычку.

6. Третий ящик справа.

Ли́ка

Счёт — 2:2

Как избегать человека, с которым вынужден делить крышу?

На двухстах квадратных метрах задача кажется простой. Легче лёгкого... если только вы не делите один этаж и одну ванную.

Последние четыре дня операция «скажем нет тестостерону» проходит довольно успешно. Но болезненно: встаю раньше, пропускаю завтрак, кофе в термостакан — и вперёд на встречу дисциплинам по психологии.

На лекции говорили, что тишина помогает: даёт пространство, чтобы услышать себя. Не думала, что настолько буквально.

А ещё — это, пожалуй, самое обидное — куда-то пропал «Эль-класико». После него все остальные капсулы кажутся безвкусными.

Ни завтрака, ни вкусного кофе.

Вечером я возвращаюсь позже, зависаю с Асей или оккупирую библиотеку, душ — только ночью, дверь на замок. Мало ли, сны имеют привычку сбываться.

Резюмирую: за эти четыре дня я поверила в себя, но ужас-

но соскучилась по маминым завтракам и нормальному восьмичасовому сну.

Я устала прятаться.

Поэтому сейчас 7:02, и я стою посреди кухни, наевшись до отвала маминого омлета с томатами, и роюсь в закромах — ищу свои исчезнувшие капсулы.

Может, истёк срок годности и их выкинули?

А ещё через десять минут сюда войдёт тот, от кого я так глупо сбегала. Хотя, если честно, бегу я, скорее, от самой себя.

— Привет, — обрывает исповедальные мысли его сонный голос.

Чёрт.

Артём садится за остров, трёт лицо ладонями и зевает.

Такой... милый.

— Привет, — отвечаю и решаю, что не буду сбегать, явить или строить из себя кого-то. Просто хочу быть собой.

— Как дела? — вдруг спрашивает он первым.

Что?! Это ты сейчас мне?

Я даже оборачиваюсь убедиться, не стоит ли кто-то за мной, к кому он обращается. Нет.

— Хорошо. А у тебя? — *Это обычно говорят нормальные люди?*

Артём обходит остров, распахивает холодильник и рассеянно осматривает полки. Невозмутимый и какой-то... чу-

жой.

— Тоже неплохо. Есть хочу.

Достаёт сыр, салями и ржаные хлебные тосты.

— Там омлет, — указываю на плиту. — Мамин фирменный. Мой любимый.

Блин, Лика!

Любимый кто? Давай поаккуратнее с формулировками.

— Люблю с томатами. Омлет. Люблю омлет с томатами.

Господи, просто заткнись.

Он понял!

— Никак не привыкну, что у нас теперь завтраки, — улыбается Артём, запихивая продукты обратно и шагает к плите.

— Мило, — не удерживаюсь я, провожая его взглядом со сковородой, шагающим босыми ступнями в направлении острова.

На минуточку, тут сижу я.

— Мило и вкусно, — безобидно заключает он.

Естественно, я нервничаю. С чего он вдруг такой... нормальный?

Какой-то перебор.

Где сальные шуточки? Изводящие взгляды. Властный тон. Даже как-то обидно, словно теперь у него в голове нет этих мыслей, из-за которых я впустую не спала по ночам.

А может их никогда и не было?

— Что за запах? — он вдруг морщится, переставая же-

вать.

Чёрт.

Духи те же. Волосы чистые. Я вообще-то только из душа. Он притягивает к себе мою кружку.

Фух.

— Отвратительный. Мне самой не нравится. Просто куда-то делись мои капсулы. Кто их вообще...

— Третий ящик справа.

— Чего? — не понимая, хмурюсь.

— Открой.

Слушаюсь. Поднимаюсь и открываю, а там — мой «Эль-класико».

Полная пачка. *Блин!*

— Ты их спрятал?

Он кивает.

— От меня?!

— А почему нет? — бросает с такой уверенностью, будто это уже и есть железное оправдание.

Правда, пытаюсь удержаться, но смех подпирает горло.

Взрослый образованный мужик, как шестилетний ребёнок, перепрятал игрушку, чтобы не делиться.

Я хохочу, прикрывая ладонью рот.

И он улыбается тоже.

— Ты же говорила, что не отнимешь дом, — продолжает меня смешить. — Но про капсулы не было ни слова. Я перестраховался.

— Тебе что, шесть?

— В душе — да. — Он даже откладывает вилку. — Хотя к твоему внутреннему возрасту тоже есть вопросы.

Да уж. Тут сложно поспорить.

— А почему сознался? — интересуюсь после минутной истерики.

— А вдруг ты именно из-за этого пропала?

Ого. Под моими рёбрами что-то невесомо дёргается.

— Слушай, я... — начинаю.

— Лик, я завожу машину. Ты идёшь? — появляется мама.

— О, привет, Артём.

— Да, иду.

Поднимаюсь, так и не решаясь закончить: *может, мы попробуем заново. Быть нормальными.*

Кажется, у нас и так получается.

— Фу. Какая же дрянь, — слышу в спину.

Сначала охреневаю от того, что это обо мне. А через секунду — от того, что он отхлебнул кофе из моего стакана.

7. Хреновый брат.

Артём

Счит — 3:2

Мышь взрывает мне мозг. Если бы она послала меня на хер — я бы пошёл.

Если бы пришла и сказала, что хочет — я бы вошёл. С огромным удовольствием. Бесконечное количество раз. Пока сама не попросит остановиться. Но вместо этого она доводит, провоцирует... и исчезает на четыре дня.

Что за бред?

Пару раз я реально подумал, что она уехала. Пока не заметил: обувь меняется в прихожей, а в душе — мокрые следы, когда я туда ещё не заходил.

Очень по-взрослому, Мышь.

Если в её поведении есть хоть крупица логики (а её там нет), то я олень. А я точно знаю, что не олень.

Сажу один, пью её вонючий кофе и думаю, как всё было легко этим утром. Обычный разговор, будто мы и правда эти грёбанные брат и сестра.

Поправка: нет.

И я физически это слишком остро чувствую.

Если ей так спокойнее — окей, я подожду. Пока всё не уляжется или, скорее, не сорвётся к херам собачим.

А пока я натягиваю маску брата. Хренового брата. Потому что даже такую — тихую, забавную, без привычной дерзости — я всё равно хочу трахнуть.

Не знаю, с каких пор её спокойствие стало важнее моих интересов.

Ли́ка

Пятница.

Я возвращаюсь домой, принимаю душ и наконец выдыхаю. Впереди выходные без лекций. Целых два дня! В планах: какао, плед и до полуночи Гарри Поттер.

Неделя, на удивление, вышла непривычно спокойной. Мы с Артёмом почти дружили, иногда шутили, иногда спорили. Но без привычных искр. И нет, это даже комфортно.

Комфортно, но до противного скучно.

Снизу доносятся голоса родителей. Я ступаю на цыпочках по холодному полу — мне нужно прошмыгнуть незаметно, потому что, судя по бутылке вина и разбросанным по полу подушкам, в их планы Гарри Поттер не входит.

— Тебя-то мы и ждём, — первой меня замечает мама и хитро улыбается.

Чёрт, ловушка.

— Нет-нет-нет. — Я машу руками, как если бы меня собирались жечь на костре. — У меня там фильм, какао и полное отсутствие социальной активности.

— Ну, одну партию, — подхватывает Влад и уже раскла-

дывает карты «Манчика».

Уверенный, будто я уже согласилась.

Теперь ясно, откуда эта наглость у того, кого нельзя называть. Генетика.

Невербально бросаю маме: *Серьёзно? Ты на чьей вообще стороне?*

А потом решаю: *почему нет?*

— Ладно, сдаюсь, — и иду за какао.

И, клянусь, я слышу, как эта парочка за моей спиной отбивает «пять».

Итак. Монстры, оружие, двери.

Пытаюсь вспомнить правила, устраиваясь на подушке. Пол ледяной, зато вино у мамы греет её основательно — она всё время хихикает.

— Мам, читай правила. Ты же проиграешь, — дразню я эту слегка охмелевшую, но абсолютно счастливую женщину.

— А я ей подыграю, — подмигивает Влад.

Господи, вы такие сладкие... Фу.

— А я-то нет, — подмигиваю маме в стиле Влада.

Она смеётся.

— Ой, Артём, — вдруг отвлекается она и смотрит куда-то в пространство поверх дивана. — Сыграешь?

— О нет. Я такое не люблю, — отнекивается этот сноб. —

И у меня, к счастью, планы.

Ну, конечно.

— Да ладно, пусть едет, — поддерживает его отец.

А я? А я, чёрт возьми, хочу, чтобы он остался. Очень.

— Тут думать нужно, а у него с интеллектом туго, — шепчу, приструнив громкость.

— Туго, значит? — тут же прилетает мне в спину. Звук приближается.

Унс.

— Раздавайте, — командует этот Волан-де-Морт.

Вальяжно раскидывается на диване: руки за спинку, взгляд серьёзный. Колени на ширине плеч, между которыми уместятся двое.

Боже. Забыли.

Ткань его джинсов ощутимо трётся о моё плечо. Он не просто нарушает — он буквально нагло втирается в моё личное пространство.

Я сверлю его взглядом: «Отодвинься», — а он игнорирует.

Конечно, сверху отлично видно мои карты. Наглец.

Ещё и печатает что-то в айфоне, перебирая длинными пальцами. *Да что ты там строчишь?* Замечаю на среднем пальце серебристое кольцо. Что-то выгравировано, но отсюда не разобрать.

Вчитываюсь, и вдруг встречаюсь с тёмными, как кофе глазами — он внезапно перевёл на меня взгляд.

— Тебя долго ждать? — вырывается самое адекватное, что приходит на ум. — Нам тут вечность сидеть?

— Ох, простите, мисс «я слишком занятая личность», — ухмыляется.

Погнали.

Карты летят по столу. Хлопки, смех, мамин возглас: «Да ну!» — и я тяну дверь, из которой вываливается зубастое чудовище.

— Ну что, готова к мучительной смерти? — его прищур бьёт точно в цель. — Тут без вариантов, Мелкая, сливайся.

— Только в твоих снах, — строю невинные глазки и швыряю поверх карту оружия. — Мечтайте, Артём Владиславович.

— Ты переоцениваешь свои возможности. — Он кивает на мои руки.

Секундное замешательство — и тут до меня доходит: он всё время смотрит через плечо, отслеживает каждое моё действие. Подкидывает монстров, раздувает их силу, а потом великодушно спасает. Только чтобы снова загнать в ловушку.

Я не играю — меня просто водят по доске.

— Ах ты!.. — дёргаюсь я, но не могу не расплыться в своей самой дурацкой улыбке. — Ты палишь мои карты?! Влад, скажи ему!

— А разве в правилах это запрещено? — усмехается Во-лан-де-Морт-старший и хитро поднимая бокал.

Мама вчитывается в правила, пожимая плечами. Она реально сейчас проверяет?

— Ты бы мне ими ещё перед носом покрутила, — защищается Артём, крутя пальцем в воздухе так, как дрессируют овчарку. — Отвернитесь, Анжелика. Не буду искушаться.

— «Не буду искушаться», — шепеляво кривляюсь я, высунув язык, пока отползаю на подушке подальше.

...Иску-шаться — а мы точно про карты?

Внимание привлекает вспыхнувший экран прямо перед моим носом. Веселье обрывается на полуслове, пока глаза самовольно пробегают по тексту: *«Ну тогда я приеду сама»*.
Отправитель: Алиса, менед...

— А ты палишь мой телефон, — Артём рывком гасит айфон и прячет в карман.

Ясно. Опять эти гости, которым у нас всегда рады.

Ещё с десятков ходов, и мама наконец сдаётся. Поднимает руки, будто всё это время мы держали её в заложниках. Скорее, в заложниках здесь я.

— Всё, я запуталась, — и смахивает карты в кучку.

— Ну тогда и без меня. — Влад делает глоток и откидывается в кресле. — Но за вас мы болеем.

— За двоих? — У меня поднимается бровь. — Ну уж нет, тут будет только один победитель! Точнее победительница, — тяну, глядя на Волан-де-Морта, от чего уголки его губ поднимаются.

На столе остаётся дуэль.

Мы оба на девятом уровне. До десятого рукой подать. Моей рукой. Она уже тянется к колоде «Дверей».

Я вытягиваю монстра. И не абы какого — побеждаю его автоматически. Я уже мысленно забираю кубок, навешиваю на себя лавры, но не успеваю насладиться моментом.

— Не сегодня, Мелкая. — С хищным прищуром он шлёпает по столу усилением монстра.

— Серьёзно? — дёргаюсь я, но улыбка предательски становится шире. — Рано радуешься.

И, не раздумывая, швыряю карту на карту.

— Ну что, готов отсосать?

— Ну и страсти! Как грубо, — комментирует мама.

Влад уже закатывается в смехе. А Артём ухмыляется.

Медленно он склоняется ближе ко мне. В глазах цвета кофе пляшут чертята.

— Готов. Но куда интереснее посмотреть, как это делаешь ты.

Сглатываю, а он так же плавно откидывается на спинку, задумчиво перебирая карты в пальцах. Намеренно тянет время! Или это ожидание сжигает меня изнутри?

— Хотя... наверное, не удастся. — Он неожиданно скидывает карты в пас.

— Ты чего?! — Я моргаю. Пытаюсь подсмотреть, но он смахивает мою ладонь со сброшенных карт.

— Ты выиграла, Мелкая. Радуйся.

Жаль, Артём. Сегодня не твой день. Ты — лузер.

Не сдерживаясь, я вскакиваю на ноги и устраиваю импровизированный танец на подушках, распевая и тыча в него пальцем:

— Ты лузер, лузееер! — нараспев под общий смех и овации.

Не думала, что эта глупая победа способна так меня всколыхнуть. Ощущение, будто лавина рухнула на макушку, обрушив волну восторга. Восторга и чего-то ещё — сладкого на языке и приятно щемящего между рёбер.

Его взгляд подстёгивает: хочется прыгнуть выше, выкрикнуть громче, доказать — я сильнее, я могу тебя обыграть!

— Красиво танцуешь, — подбадривает Артём.

Он, кажется, немного расстроен.

Но разве мне есть до этого дело?

Смеюсь, подпрыгивая, и почти забываю о его существовании, когда он уже поднимается.

Ну, блин!..

— Ладно, мне пора.

И исчезает в проёме.

Родители уносят посуду, а я на четвереньках собираю на столку, всё ещё напевая себе под нос утешающее: *Странный вечер с лузерооом.*

Но, чёрт. Если откровенно, провести его так было куда приятнее, чем с Гарри Поттером.

Пою, улыбаюсь, пока не переворачиваю карты.

— Что?! — моргаю несколько раз и очень удачно натыкаюсь на него, зачем-то вернувшегося в гостиную. Уже в куртке и с немного растерянным выражением лица.

Молча сверлю, пока он шарит по обивке дивана и то и дело косится.

— Я чем-то опять провинился? — не выдерживает. До-

стаёт из щели ключи и демонстрирует мне. — Забыл.

— Объяснишься? — размахиваю его сброшенным пасом.

Там, блин, победа! Безоговорочная, стопроцентная победа. Которая могла бы разнести меня в щепки. Но он так щедро её уступил.

Зачем?!

— Оу, я затупил? — Он явно блефует.

— Серьёзно?!

— Угу, — кивает. Бездарная актёрская игра. — Выходит, у меня всё-таки есть шансы.

Шансы? Вздёргиваю бровь, совершенно не понимая о чём он.

Мой взгляд невольно реагирует на его мимику. Всё моё внимание сводится к едва заметному, но крайне прозрачному жесту — оттягивающему движению его языка по внутренней стороне щеки.

— Готовь щечку, Мышь.

Готовь. Нахрен. Щёчку...

Щёчку?!

Я что, хомяк? Таращусь ему вслед.

Просто не думай. Просто не думай.

Господи. Сознание без спроса рисует такие кадры, от которых щёки неистово заливаются свекольным жаром.

Чёрт. Я хомяк.

8. Моя территория.

Ли́ка

Счёт — 4:2

Зевая, открываю один глаз. Закрываю, открываю снова, а потолок никуда не делся. Только поменялся свет.

Чёрт. Я опять уснула?

Переворачиваюсь на бок, и усилием воли, не давая векам снова сомкнуться, тянусь к прикроватной тумбе. Пальцы нащупывают книгу, которая уже третий месяц катается в сумке. Прибыла из Калининграда: гуляет по паркам, посещает пары... В общем, делает всё, кроме одной важной вещи — дочитывается.

Закладка врезается мне прямо в переносицу всё с той же двадцать третьей страницы.

— Сегодня ты обречён, — сообщаю Ретту Батлеру² хриплым ото сна голосом.

И роняю его обратно на тумбочку.

Суббота.

Можно проваляться в постели до обеда, лениться, таскать в мягкое убежище печенье. Мысль приятная.

Почти такая же приятная, как сон, из которого я только

² Ретт Батлер — герой романа Маргарет Митчелл «Унесённые ветром».

что вынырнула. За исключением в нём одного вкрадчивого, томного факта, который я цепляю из самого края сознания.

Звучит примерно так:

— *Выходит, у меня есть шансы.*

— Господи, нет! — жалобно стону, утыкаясь в подушку.

Даже думать об этом не буду.

— *Готовь щёчку... Мышь...*

— Фу! Душ. Мне срочно нужен душ.

Выползаю в коридор, по пути из шкафа прихватив одежду.

Дёргаю ручку. Заперто.

— Ты скоро? — стучу костяшками по двери. — Сейчас, если что, моё время!

Он не отвечает. Поэтому недолго думая я тарабаню увереннее.

Сам напросился.

И сработало. Дверь открывается, а из неё выходит отнюдь не Артём.

Высокая девушка, с полотенцем, небрежно скрученным на голове. По коже блестят капли воды, и от неё тянет чужим парфюмом — тяжёлым и приторным. Я дёргаю носом: знакомая нотка цитруса, где-то её уже встречала.

Полотенцеголовая задерживается в проёме, оценивая меня. А после, вздёрнув розовый распаренный подбородок, освобождает мне ванную.

— Вообще-то, привет, — подмечаю я.

Я, так полагаю, Алиса.

Провожая её оголённые надменно покачивающиеся плечи и захлопываю дверь.

Брр! Меня передёргивает. Душ после незнакомых людей — мерзость. Как в общежитии, только в разы гаже, там хотя бы дискомфорт не организован семьёй.

— Супер, Лика, просто супер, — бурчу вслух и, шагая к душевой, выкручиваю кран на максимум. Кипятком обдаю стены и пол, будто собираюсь выварить этот санузел к чёртовой матери.

— Да, девочки, заходите к нему почаще. Хотите — и тапки мои примерьте.

Закончив дезинфекцию, утыкаюсь взглядом в своё отражение сквозь запотевшую плёнку на зеркале. Стекло неприятно скрипит за ладонью, пока я стираю конденсат.

Да, мне неприятно. Грязно.

Почему я не могу выварить и его спальню? Так же, как плитку.

Ах да, потому что она там. На его простынях. В его жизни, с этим пустым взглядом и приторным, дешёвым запахом.

Да какое мне дело?!

Окунаю пальцы в чёрную жижу в баночке и наношу на лицо. Глиняная маска почти сразу покрывается коркой. Прохожусь по трещинам пальцами, таращась на белые пятна вокруг глаз и шепчу себе мантру:

— Спокойно, Лика. Ты нормальная. Ты адекватная. У

него тёлки, у тебя книги. Баланс.

Ха!

Смываю всю эту грязь и лезу в душ.

Вода, хлынув на лицо, немного остужает. Отпускает, рассеивая с паром это неприятное липкое чувство на коже. Тянусь к шампуню — лёгкость флакона меня слегка настораживает. Тру глаза, несколько раз моргаю — от воды слегка щиплет, но от увиденного глаза округляются вдвое.

Чего?!

Во флаконе осталось от силы треть!

— Охренеть... — вырывается шумно.

Меня прошибает током. Всё, что я терпела, проглатывала с «ладно, я же взрослая, я же вежливая» — сейчас с дымом рвётся наружу.

Она мыла голову моим шампунем. МОИМ.

В моём доме, после секса с моим братом, она мыла волосы моим шампунем, купленным на мои, сука, деньги.

Вам — пизда!

Вылетаю из душа. Едва вытираясь, заматываюсь в полотенце. С мокрых тяжёлых волос капает. А вода, стекающая с меня, расплёскивается по полу.

Единственное, о чём думаю: *сейчас Алиса узнает, где эта грёбаная страна чудес, в которой учат не брать чужое!*

Хватаю этот долбанный бутыль как улику — и иду в коридор.

Прямиком в его спальню.

— Если ты сейчас же не откроешь дверь, я её вышибу! — шиплю, тарабани.

Хотя мы что, уважаем друг друга? — Да ни хрена!

Не думая, распахиваю с ноги и вваливаюсь в комнату. Он лежит полуголый, меня не смущает ни обнажённый, сухой торс, ни ошарашенное лицо. Мне плевать — я хочу расправы. Жаль, что Алиса уже растворилась.

— Я тут вообще-то стучу! — цежу сквозь зубы.

— Правда? Я как-то не заметил. — Он садится на край кровати и сверлит меня тёмными хищными глазами. — Какого хрена ты творишь?!

Я игнорирую вопрос.

Шагаю ближе, меня распирает от злости.

— Поднимайся! — отпускаю приказным тоном.

Кажется, его это задевает, но он подчиняется.

Встаёт, и я понимаю: допустила ошибку. Теперь я будто уменьшилась — моя макушка едва достаёт ему до подбородка, и так, глядя снизу вверх, я остро ощущаю его превосходство.

Язык сам норовит сорваться: «*Сидеть!*» — *да что со мной?*

— Что это?! — встаю на цыпочки и тычу в нахальную мину бутылком шампуня.

— Понятия не имею. Это твоё. — Он вытягивает лицо, так что скулы делаются острее. Ему тоже не нравится.

Супер!

— Вот именно. Моё! Мало того, что я принимаю ванну после твоих... этих, так ещё и это?! — снова тычу в него шампунем.

Словарный запас внезапно иссяк, но замолкать я не намерена. Он переводит взгляд с бутылка — на меня, и снова на бутылёк.

— Ты ёбнулась? — выдыхает сухо.

— Это и мой дом тоже, — я с трудом игнорирую хамство, — и права на него такие же. Имей, на хрен, хоть чуточку уважения!

— Угомонись, Мышь! — отрезает он.

— Мышь?! — меня прошибает током. Я жадно глотаю воздух и толкаю его в торс с такой силой, что его отшатывает.

— Прекрати! — рычит он.

— Что? Не нравится?! — толкаю снова несколько раз, пока он не перехватывает моё запястье и резко разворачивает меня к себе спиной.

Я едва успеваю прижать полотенце, оно чуть не сползло, а пряжка ремня больно врезается мне в поясницу. Замираю. Потому что ниже в меня упирается уже не ремень — кое-что куда более внушительное.

Ого. Это на меня так? Или в целом на ситуацию?

— Пошла вон, — цедит прямо в затылок, сильнее сжимая пальцами мою руку.

— Что?!

— Выметайся из моей спальни! — Он тянет меня к вы-

ходу. — Ты... глупое, мокрое создание. С тебя капает, весь пол заляпан.

Я по инерции плетусь, не в силах вырваться. Даже не делаю попыток.

— И хватит меня провоцировать! — распахивает дверь и выталкивает в коридор.

Я отряхиваюсь. Сдерживаюсь, чтобы не пройти пощёчиной по этой нахальной морде. *Какое хамство!*

— Ори в коридоре, — заключает хам и захлопывает дверь. Поток сквозняка врежется мне в лицо.

Стою, отчаянно пытаюсь прийти в себя и отдышаться.

— Мы не закончили! — кричу в уже закрытую дверь.

Я тебя разнесу!

Артём

Какое-то время просто стою, уперевшись ладонями в дерево. Дышу, будто только что вылез из драки. Её голос звенит в ушах: *«Поднимайся!»*

Да кто ты вообще такая?!

И эта грёбаная бутылка с гелем, тычущаяся мне в лицо. *«Что, не нравится?!»* — Её руки толкают меня снова и снова.

Чёрт, Мышь. Даже сейчас у меня стоит.

Она прямо передо мной вся мокрая, горячая, в этом грёбаном полотенце, которое держалось на честном слове. Я чувствую её запах, чувствовал, как под пальцами дёргается

запастье и пульсирует кровь. Мокрые волосы липнут к коже. Полотенце чуть дёрни — и...

Блядь.

Я вижу, что почти не сделал. Упёр бы тебя в стену, сорвал всё к херам, зажал, чтоб не дёргалась. Ты бы орала, кусалась, а я бы не остановился. И тебе бы, сука, понравилось.

Я почти это вижу — сорванные выдохи, сжатые зубы. Как сдаётся мне через злость, и как стонет, когда устанет биться...

Господи.

Резко выдыхаю, отталкиваюсь от двери и хожу по комнате. Руки трясёт, будто я реально сейчас держу её. Боль сводит челюсти от плотно стиснутых зубов.

— Мышь ёбаная, — шепчу, вцепившись в волосы. — Провоцируешь и даже не думаешь о последствиях.

Сама же припёрлась. Сама лезешь. Играешь в эти свои «поднимайся», а потом глаза круглые: «Что?!».

Что ты вообще хотела?!

Слышу собственный голос и понимаю, что разговариваю с пустотой.

— Ты долбоёб, Артём? Совсем поехал. Разговариваешь сам с собой, хочешь свести счёты с этой мелкой дрянью, со «сводной сестрой» — это ж каким дном надо быть?

«Мышь...» — эхом проносится в голове. И передо мной снова она. Надула щёки и лезет в меня грудью.

Ей же нравится. Ей, блядь, нравится меня провоцировать.

— Дура, — шиплю себе под нос. — Ещё секунда и я бы тебя трахнул. Секунда — и я бы стал конченным мудаком.

— Долбоёб, — выдыхаю и валюсь на спину. Матрас пружинит, а я утыкаюсь в телефон, но мыслями от неё не отлипаю.

Тихая Мышь — это, конечно, кайф. Вся такая правильная, сосредоточенная, с её вечными книжками, кофе и этими умными глазками. Но когда она вот такая — злая, мокрая, дерзкая, с полотенцем, которое еле держится...

Это разрыв. Это просто сносит мне крышу.

Горит всё тело, и я никак не могу остыть — даже с учётом того, что за ночь вымотан Лис до предела.

Просто прикрываю глаза. Стараюсь дышать ровно и уже не сопротивляюсь образам биполярного содержания.

Не знаю, чего хочу больше — убить её или трахнуть до полусмерти.

9. Границы.

Ли́ка

Счёт — 4:3

Долгожданный вечер. В воздухе витает аромат хрустящей куриной корочки с итальянскими травами из моего детства. Мама шуршит на кухне, воссоздавая ту самую приторно семейную атмосферу. Не подозревая, что за её пределами развернулась война.

Весь день я просидела с книгой, но вместо букв видела сотни аргументов и претензий, которые обязательно втолкну в эту вечно взъерошенную безмозглую голову.

Пора расставить границы. Ввести правила сосуществования на одном этаже.

Сегодня запахнет жареным, милый.

И речь не о курице.

— Еда на столе! Кто не придёт через минуту — остаётся голодным! — выкрикивает мама, вынимая противень из духовки.

— Оля, какой аромат. — Влад чмокает её в щёку, и мама светится. — За такую курочку не грех душу продать.

Звонок прерывает идиллию: Влад отходит в сторону и уже жестикулирует кому-то в трубке.

Этот хам за столом.

Встречает меня своей самой снисходительной ухмылкой, от которой за секунду я взвинчиваюсь до предела.

Доброжелательность — уровень бог. Словно это не он вышвырнул меня утром за дверь, даже не потрудившись дослушать.

Мудак.

Пока родители заняты, я сажусь напротив и старательно демонстрирую максимальное раздражение, чтобы даже его ограниченный мозг уловил намёк.

Читай по губам:

— Му-дак, — произношу беззвучно, и уголки его губ тут же дёргаются, будто их тянут за ниточки.

Да уж, до адекватности как до луны.

Артём

Мышь спускается к ужину в своей самой откровенной майке. И сегодня она не Мышь, сегодня она фурия. Я понял это сразу по приветственной фразе:

— Ты мудак, — одними губами.

Миленко.

Впервые за полгода сегодня я впахивал в зале, не жалея сил. Уже сейчас мышцы ноют, и завтра я, похоже, вообще не встану — судя по тому, какие усилия приходится приложить, чтобы просто поднять руку.

Всё благодаря тебе, Мышь.

Да-да, именно тебе. Смотришь. Теперь ты в безопасно-

сти, выдыхай.

*Сублимация*³ — знакомое слово? Конечно знакомо! Ты же умная. Может, поэтому меня так цепляешь?

Мы одновременно тянемся за соком, и она меня опережает. Я настукиваю пальцами по пустому столу дробь, пока мои глаза самовольно её изучают.

Любуюсь, как Мышь с холодной гримасой наливает себе в стакан. У неё мокрые волосы: тяжёлые пряди липнут к ключицам. Капли лениво ползут к кромке белого топа. Стекают ниже, оставляя полупрозрачный след, сквозь который ярче проявляется молочная кожа.

Чёрт, я хочу, чтобы сок не заканчивался.

Не успеваю осознать, как слежу за конкретной каплей. Она на финишной прямой. Ещё чуть-чуть — и, о да, вижу тёмный ореол.

Я же вижу? Или это моя больная фантазия?

Резкая боль от удара чем-то холодным и твёрдым выдёргивает меня в реальность — Мышь ставит кувшин с прилежным усилием. Прямо на мою кисть.

— Ау-у... — шиплю, одёргивая руку, от чего ощущения обостряются, простреливая мышцу спазмом. — Спасибо, Мелкая. То, что нужно.

Машинально оборачиваемся. Родители заняты, им не до нас.

³ Сублимация — направление сильных эмоций и внутренних импульсов в творчество, работу или другую созидательную деятельность.

Наполняю стакан.

— А твои тёлки что, шампунь носить с собой разучились?

— Мышь подаётся вперёд и шипит. — Или это не входит в пакет услуг?

— Ты серьёзно? — Я вскидываю брови и едва не давлюсь от смеха.

Её бешенство умиляет и заводит одновременно. В голове мгновенно складывается пазл: так это ты из-за шампуня ввалилась ко мне почти голая?

Чокнутая.

— А похоже на шутку? — Она вспыхивает. — К твоему сведению, он стоит как треть моей стипендии, бля...

— Тише, — запечатываю её рот ладонью. — Ты чего так завелась? Я всё возьму.

Жду, что сейчас заорёт или вцепится зубами. Но вместо этого, Мышь моргает. Зависает на пару секунд, а потом просто смахивает мою руку, растягивая губы в подобие улыбки.

Вот так. Хорошая девочка, помолчи.

Отец направляется к столу.

— Обсудим позже, ладно? — перехватываю её взгляд.

И через минуту Оля ставит передо мной салатницу.

— Дети, всё в порядке?

— Да, всё отлично, — убеждаю мачеху и киваю Мыши: *давай, подыграй мне.* — Мы обсуждали фильм. Тебе понравился?

— Конечно, — кривится она, будто слово встало поперёк

горла.

Да уж, актриса из тебя так себе.

Оля молча раскладывает стряпню, явно поверив нам на слово. Ну или боится, что треснет идеальный сценарий.

— Кто звонил? — интересуется у отца.

— Костя.

Чёрт. Я уже вижу, куда всё скатится. Мне не нравится выражение его лица.

— Партнёр по бизнесу. Помнишь его? — поясняет он Оле, делает глоток и, не дожидаясь ответа, оборачивается ко мне.

Ну, давай, жги.

— ...Говорит, Алина в последнее время какая-то расстроенная. У вас там всё в порядке?

— Спасибо. Разберёмся сами, — отрезаю предельно сухо.

Надеюсь, понятно: обсуждать подробности при всех я не планировал.

Мельком ловлю оживление Мыши: её рот неожиданно искренне расплывается. Она набирает воздух, и я понимаю — сейчас выдаст что-то остроумное.

Что ты, мать твою, собираешь...

— А Алина — это та с фиолетовыми ногтями? Или вчерашняя блондинка? — Мышь измывается, медленно отпивая сок. — Их просто так много. Я уже слегка путаюсь.

— Сука, — вырывается из меня без звука.

Мышь, читай по губам:

— Ты су-ка!

Зубы скрипят, в виске стучит пульс. И нет, это не «ой, вырвалось» — она не раскаивается: эту месть она вынашивала весь грёбаный день. Я вижу это в её глазах. Огромных, холодных, как льды Антарктиды, до краёв налитых самодовольством.

Сука. Сжимаю кулаки под столом так, что ноют суставы.

— А чего ты завёлся? Я всего лишь спросила, — добивает игривым тоном.

Я проглатываю слова.

Играйся, Мышь, играйся. Без зрителей ты прикусишь язык.

— Лика! — одёргивает её мать.

— А, даже так... — тихо комментирует отец с ползущими на лоб бровями.

Мы точно не из рекламы майонеза. Свечи мачехи, салфетки и прочая хуета с обложек её интерьерных журналов разорвана в клочья.

— Всем спасибо. Я к себе. — Мышь уносится первой.

Я не собираюсь наблюдать, как эта выходка безнаказанно ей сойдёт с рук.

Зависаю, только чтобы осушить стакан. Горечь во рту глушит вкус. Громко приземляю на стол и направляюсь следом. Догоняю у лестницы.

Она уже почти смылась, когда я хватаю её за руку и рез-

ким рывком прижимаю к стене.

— Тебе, блядь, не кажется, что ты переходишь границы?

Ладонь глухо бьётся справа от её головы, перекрывая путь к отступлению.

— Забавно, не находишь? — даже не пытается вырваться.

— Ты кричишь про границы, загоняя меня в угол.

Ну да, теперь ты у нас жертва. Удобно.

— В угол загоняют слабых. Или я ошибся, Мыш-ка?

Намеренно растягиваю её прозвище, как издёвку, но эффект выходит обратный. Вместо привычного наглого блеска в глазах — *шок?*

Ещё секунду назад ты строила из себя хищницу, а теперь дышишь, будто сама загнала себя в клетку. Грудь упирается в меня. На каждом вдохе сквозь белую ткань отчётливо проступают соски. И меня ломает от желания провести по ним пальцами.

Чёрт, Мышь. Можешь чесать языком сколько угодно — твоё тело кричит громче. Ты хочешь меня. На хрена эти игры?

Стоит мне только сунуть руку под твою майку, и ты не пискнешь.

Ты...

— Эй, у тебя процессор завис? Перезагрузить? — Дерзкая Мышь ловит меня с поличным.

— А-а... Я, видимо, нашла уязвимое место? — снова входит во вкус. — Переживаешь, что скажет папа-а?

— Мне плевать! Но это не значит, что тут твоему мелкому носу самое место.

Хочу ткнуть её пальцем в нос, как котёнка, но она наотмашь сдёргивает мою руку ещё в воздухе и тут же тычет пальцем в ноющий пресс.

Охуенно точно.

— Хочешь расставить границы? Тогда прекрати эту тупую игру, — шипит. — Меня тошнит от твоей пошлости!

Пошлости?! А то, как ты выглядишь, не пошло?

Хватаю её за запястья и припечатываю к стене обе руки над её головой. Клянусь, если бы не упрямо сжатые губы, я бы услышал куда больше.

— Правда тошнит?

Сглатываю подступающую слюну. Перехватываю оба её запястья одной рукой, второй медленно опускаюсь ниже.

Ключица. Тонкая ткань майки.

Чёрт.

Даже её живот вздрагивает, когда мои костяшки случайно заканчивают путь именно там.

— Смотри, Мышь... — обращаю её внимание вниз. — Мы ладим. Просто в другой плоскости.

Наконец заставляю себя отлепиться от майки. Смахиваю влажные пряди ей за спину, открывая беззащитную шею.

Приходится прикусить улыбку. *Мышь, смотри, тебя больше не нужно держать.* Через чудовищное усилие обжигаю пульсирующую венку под ухом лишь дыханием.

— Признайся себе... чего так отчаянно хочешь... и перестанет тошнить.

Сопротивления не будет. Хорошего брата — тоже.

Успеваю насытиться сахарным запахом её кожи, прежде чем холодная ладонь подтягивает мой подбородок к своему.

Давай, Мышка. Я без тебя дальше не двинусь.

Слежу за взмахами пушистых чёрных ресниц, а после:

— Ты красивый, — мурлычет она, бархатно скользя пальчиками по моей нижней губе. — И трахаешься наверняка отменно. Только... какой в этом смысл?

Что, блядь?

Какой, нахрен, смысл?

Я даже не сразу нахожу, что ответить. *Смысл в том, чтобы... что?*

Трахнуть тебя так, чтобы мы оба кончили и, наконец, перестать трахать друг другу мозги? В том, чтобы доказать тебе, что ты сама меня хочешь?

Всё это бред, чушь — мелко и грязно на фоне её тона, на фоне унижительных и одновременно приятных касаний холодных пальцев по моему лицу.

— Видишь, — она постукивает кончиком ногтя чуть выше виска, — выходит, что твоей постели недостаточно, чтобы мне стало по-настоящему интересно. Не обижайся.

Не обижайся, блядь?!

Я закипаю. От её надменного тона, от своего тупого молчания. Стою, будто приколоченный — ни вдохнуть, ни сдох-

нуть.

Она тянется ближе. Честно, мне уже похрен.

Тёплое дыхание скользит по щетине, задевая мой угол губ, и я, как долбоёб, доворачиваюсь, едва не врезаясь в её скулу.

— Мне нужно чуточку больше, — убийственно мягко касается уха. — А ты не потянешь, Артём. Так что забудь.

Каждое грёбаное слово — ржавый гвоздь, вбитый в черепную коробку.

Остаётся только наблюдать, как она откидывается на стену, заводит руки за спину и ждёт ответа.

Да кого ты из себя строишь? — чушь.

Ты сама себе веришь? — дерьмо.

Да иди ты на хуй! — то, что нужно.

— Иди, — выдыхаю сухо, отстраняясь на шаг.

И она идёт. На хуй вверх по лестнице в своё царство холодных фригидных стерв. Я глухо выдыхаю в потолок. Нет сил. Нет даже желания смотреть ей вслед.

Или я — идиот, который ни хрена не понял. Или она просто дура. Конченная, лицемерная дура.

10. Привет из прошлого.

Ли́ка

Счёт — 4:4

Сажу за кухонным островом.

Грею в ладонях остывший чай, рассеянно пялясь в окно. Наблюдаю, как уныло стекают капли по стеклу — кажется, дождь лил всю ночь, и, судя по тучам, солнца нам ждать не скоро. Так же, как между мной и Артёмом.

Признайся себе, чего так отчаянно хочешь... — всплывает в памяти между глотками невкусного чая. Его настойчивый взгляд, убеждающий в очевидном. Тепло от касаний, разряд тока от того, как хватает резко, и долбанные бабочки в животе, которые с самого первого дня поддаются его дрессировке.

В его руках я — тряпичная кукла, с трудом сгребаящая в себе силы сопротивляться.

Чёрт, похоже, я влипла!

Признайся себе, чего так отчаянно хочешь, и перестанет тошнить.

Ладно — хочу. До дрожи в пальцах, до бурления крови. И что это меняет? Ты бросишь всех тёлочек? Мы будем гулять по паркам и держаться за ручки? Нет. Потому что ты — законченный ёбарь. Ах, какая досада, мы ещё сводные брат и

сестра.

— Ли́ка-а-а-а! — обрывает мои пессимистичные мысли мама. Машет руками перед моим носом.

Я вскидываюсь от её голоса, даже не заметив, как она вошла.

— Ты здесь?

— Угу.

— Какие на сегодня планы? — Она садится напротив, подпирая ладонями своё слишком молодое для её возраста лицо. С тех пор как мы переехали, она вся светится.

— Не знаю, а что?

— Поможешь с уборкой? Я начну с санузлов, а ты допивай чай и уберись на кухне.

Поднимаясь, мама выуживает из шкафчика химию, тряпки.

— И пропылесосишь в гостиной?

Остаюсь на кухне.

Ставлю кружку в раковину, закатываю рукава и сразу хватаюсь за тряпку.

Начинаю с острова: вытираю крошки, полосы от чая, скольжу по идеально ровной холодной поверхности и почти верю, что блеск на столешнице соответствует чистоте в моих мыслях. Ровно до того момента, пока не возникает Артём.

С ним в моей черепушке хаос, грязнее любой пыли.

Он вальяжно расхаживает по кухне. Достает хлеб, салями, нож. И режет прямо на столешнице!

— Там вообще-то доска есть, — вылетает из меня импульсивно.

— Столешница каменная.

Я закипаю. Да хрен с ней, со столешницей, с чего вдруг такое безразличие.

Задела?

— Да, и она царапается! — огрызаюсь, не в силах озвучить надуманное.

Он только и делает, что раздражённо выдыхает, будто это я — идиотка, вынимает доску из ящика, проворачивает в пальцах и с гулким треском роняет её на столешницу.

Нихрена не случайно.

Я правда стараюсь игнорировать безалаберность. Но ровно через минуту он берёт кружку, делает глоток и ставит её прямо на то место, которое я только что вытерла. Мокрый кофейный круг размазывается по белоснежному мрамору чёрным пятном.

Хорошо. Я же железная.

Снова демонстративно прохожусь тряпкой. Отнимаю кружку, вытираю дно и приземляю на столешницу, едва не расплескав.

— Ты всегда такая зануда или это для меня особый режим?

— А ты всегда считаешь себя особенным?

Он строит мне морду и возвращается к бутерброду.

Как будто меня вообще нет.

Сбрасываю тряпки в раковину и уношусь в гостиную, если останусь рядом, точно кину в него этой грязной кружкой.

Втыкаю шнур и почти наслаждаюсь ровным жужжанием пылесоса, особенно сосредоточившись на ковре. Будто это он виноват во всех грехах, свершённых вчера на лестнице.

А я что? Я ничего плохого не сделала.

Не успеваю пройти и половины комнаты, как пылесос внезапно сдыхает.

Я даже до дивана не дошла.

— Да ты издеваешься?! — взрываюсь, обнаружив чёрный свёрнутый шнур в ногах у Артёма. — Нарочно меня выводишь?

Смотрит на меня, как на умалишённую.

Подхватывает вилку и, прежде чем воткнуть её, поравнявшись со мной, произносит:

— Возможно, тебе показалось, что мир крутится только вокруг тебя. Плохие новости: повзрослей.

Втыкает шнур в розетку и просто уходит.

В центре гостиной с включённым пылесосом я врастаю в ковёр, сглатывая ком. Делаю глубокий вдох и обещаю себе, что к вечеру мы во всём разберёмся.

Вдвоём.

Но вечер не наступает. Как и ночь. Вторая. Третья.

И так — шесть.

Шесть дней без него. Ни кривых подколов, ни тяжёлого взгляда, от которого скручивает в животе. Ни даже долбано-

го салями на проклятой столешнице.

Сначала я злорадствую: ну и катись, меньше мусора в доме, меньше этих твоих самодовольных ухмылок. Потом начинаю беситься — он что, реально проверяет, как долго я выдержу без тупых шуточек и тыканья пальцем в мой нос?

А к четвёртому дню я сжираю себя за мысли, прислушиваясь к каждому шороху в доме.

Ненавижу.

Себя — за то, что жду. Его — за то, что не удосужился хоть раз показаться дома.

Ненавижу эти грёбанные три бутылки моего шампуня на полке в душе, купленные не мной.

Артём

Мне девять и завтра я еду к деду.

Я кручусь в кровати, думаю обо всём на свете: фонарик взял, книжки тоже. Дед всё равно заставит читать. Интересно, а они приедут на день рождения? Папа говорил — на всё лето. А может, и дольше.

Блин. Велик! Точно. Мы забыли его положить в машину. Я быстро выскользну, напомню — и обратно в кровать.

Дверь скрипит. Но они так громко ругаются, что точно меня не услышат.

Сажусь на лестнице. Жду. Мне бы только про велик сказать — и пусть орут сколько влезет.

Папа сердится. Я ловлю куски фраз, и они мне не нравят-

ся: «...ему нужна мать...». Замираю. Становится страшно — и от этих слов, и от того, что меня вдруг заметят.

Мама отвечает, но я не сразу понимаю слова. Она плачет так громко, что я почти вскрикиваю. Хочу её обнять, сказать: «Не плачь, пожалуйста, мам».

Пап, не ори...

— Я не могу... — Мама закрывает лицо ладонями, я даже не вижу её глаз. — Не могу быть рядом. Не могу даже смотреть на него.

Она плачет так горько, а я ничего не могу с этим сделать.

— Послушай, я пыталась! Ты знаешь. Я... Рядом с ним я не выберусь. — Последнее слышу отчётливее всего. В горле скручивает больно.

Хочу встать, крикнуть «мам!», но ноги не слушаются. Слёзы текут сами. Я прикрываю рот ладонями, чтобы не пискнуть.

Слышу её каблук — всё дальше и дальше. Прижимаю уши руками — сильно, до боли вжимаю пальцы... но всё равно слышу. Щёлк.

...Распахиваю глаза. Горло сухое, футболка липнет к груди. Вытираю со лба пот, пытаюсь отдышаться, убедить себя: я в комнате. Я взрослый. Не на лестнице.

Блядь!

Столько лет, а картинка не выцвела.

— Ну здравствуй, мам, — в пустоту. — Давно не виде-

лись.

— Да что, чёрт возьми, с тобой происходит? Может, мне вообще не дышать в собственном доме?! — Хлопаю дверью тачки так, что стёкла звенят, и завожу мотор.

Это же просто. Примитивная логика: разошлись по углам и забыли друг друга.

Нет, ей мало. Прикопалась из-за грёбаного пылесоса. Серьёзно?!

Пальцы сами колотят по рулю. Внутри всё кипит, после сна до сих пор мутит. Пять лет без кошмаров, и я не был готов к тому, что увижу её снова.

Голос засел в голове занозой, и я опять девятилетний пациент.

Отвлекись.

Тянусь к телефону и набираю друга.

— Привет, — растягивает женский голос.

— Привет, Оксан. Макс рядом?

— Рядом. Но рот занят, — хихикает.

— Могли бы и не брать трубку. Я не обижусь.

— Если бы! — орёт Макс с набитым ртом.

— Он доедает мой бургер, — поясняет его девушка.

— Ну допустим.

— А ты вдруг вспомнил, что у тебя есть друзья?

— А ты успела по мне соскучиться?

— Конечно. А с кем мне ещё обсуждать этого придурка.

— Я всё слышу! — на фоне давится Макс.

— Короче, я тут подумал, — мну паузу. — Можно я на пару дней зависну у вас?

— Пару? — переспрашивают хором.

— Ну... может пять.

Тихие перешёптывания задевают трубку, в которые я старательно не вслушиваюсь.

— Я с текилой приеду, — докидываю привилегий.

— Только не текила! — возмущается Макс. — Лучше виски. У тебя что-то стряслось?

— У меня всегда всё отлично.

— Приезжай, — щебечет Оксана и я буквально слышу, как она вешается ему на шею. Бесячая парочка.

— Ждём, брат, — через секунду подтверждает друг.

Отлично.

Закидываю телефон на пассажирское кресло, выруливая с улицы.

Домой я точно не вернусь. Не сейчас и не в таком виде.

Пару месяцев назад они переехали в свою однушку.

Тесная кухня, плитка с трещинами, подоконник заставлен цветами, а стол — вечный склад винтажной посуды, потому что Макс никак не повесит полки.

Ксю висит у него на шее. Макс машинально целует её в

макушку, даже не отрываясь от телефона. Они вообще умеют находиться в одной комнате и не трогать друг друга?

Бесят.

— Держи.

Передо мной возникает кружка и тёплая улыбка Ксю, словно мы не виделись год, а не пару месяцев.

— Виски из этого?

— Да, мажор, — кивает подруга. — А ещё из этого. И этого.

Выставляет на стол забавную коллекцию доисторических кружек. В последний раз я видел такие только у деда.

— Все вопросы к рукожопу Макс.

Мы втроём уплетаем азиатскую лапшу прямо из сковороды. Так мы делали всегда, сколько нас помню. Это проще, чем спорить, кто моет посуду. У меня вилка, а у них палочки.

— Что с проектом? — интересуюсь у Макса.

— Закрыл. И с этими уродами я больше не работаю.

Макс веб-разработчик на удалёнке и по совместительству мой одноклассник.

— Ксю магазин запустила.

— Интернет?

— Угу. Я там кое-что ещё докручу. Но в целом работает, — скромничает друг.

— Работает? — Оксана пихает его локтем в бок. — Между прочим, первая сумка уже уехала к покупательнице.

— Серьёзно? Тогда молодец тут не он. Ты красотка, —

усмехаюсь. — И куда уехала?

— В Калининград.

Естественно.

— Считай в Европу, — поддеваю я, но усмешка выходит кривой.

Да чтоб тебя. Даже тут ты. Вселенная решила меня допинать?

— Кстати, — тут же вцепляется Оксана. — Как там твоя сестра?

Началось.

— Какая сестра?

— Господи, Артём. Их несколько?

Ксю подталкивает ко мне кружку.

— Рассказывай давай. Как зовут? Сколько лет? Она учится?

Я молча доливаю ей односолодовый и сам делаю внушительный глоток.

Удачно, блин, сменили тему.

— Она симпатичная?

Едва не давлюсь её любопытством.

— Да откуда я знаю, Оксан?

— Артём вы в одном доме живёте. Тебе глаза зачем?

У меня помимо глаз есть и другие органы.

В этом и проблема.

— Её можно как-то уговорить? — обращаюсь к Макс, хотя ответ очевиден.

— Почемууу? — капризно тянет Ксю. — Вдруг мы с ней подружмся.

— Брат, побереги нервы, — прыскает Макс.

— Ладно, — делаю глубокий вдох. — Анжелика. Восемнадцать. Психологию учит. Симпатичная. И дура. Отшибленная на всю голову. С ней вы точно не подружитесь. Закрыли тему.

— Ууу... — тянет Ксю с интонацией не подруги, а следователя по особым тяжким. — А чего ты так занервничал? Не дала тебе?

Чёрт. Ей бы в суд или журналистику, а не сумки шить.

— Ахах, — ржёт Макс. — Было бы жёстко.

— Заткнитесь оба, — усмехаюсь и возвращаюсь к вилке. — Оксан, допрос окончен? Можно я теперь поем?

До пятницы остаюсь у ребят: днём работа, учёба, зал. Вечером — шумные разговоры на кухне, как в старые добрые.

— Слушай, если надо — оставайся, — убеждает Макс, пока я шнурую кроссовки в их тесной прихожей. — Ты нас не напрягаешь.

— Угу, — трётся о него Ксю.

Как бы хорошо мне тут ни было, Мышь дома.

А лучше меня её никто не выбесит.

— Спасибо, друзья. Но вы так громко трахаетесь на балконе, что я не могу выспаться.

Макс давится смехом, а Ксю отвечает мне оплеху прежде, чем долго и крепко обнять.

Сажусь в машину и с минуту тупо пялюсь в лобовое стекло под монотонное урчание двигателя. Дом. Адрес высвечивается первым ещё до того, как я успеваю вбить вторую букву.

Двадцать три минуты.

Всего двадцать три грёбаных минуты меня отделяют от кружек, шампуней, кошмаров и прочей жизненно важной херни.

Да ну нахер.

Тянусь за телефоном и набираю номер.

— Привет, Лис. Я тут мимо проезжаю. Зайду?

— Конечно! — оживляется в трубке писклявый голос. — Думала, ты про меня забыл.

Через десять минут я у её подъезда. Девятый этаж без лифта, где к пятому я стабильно сдыхаю. Чего не сделаешь ради секса, минета или что там у нас сегодня ещё по меню.

Дверь распаивается и в нос ударяет запах кошачьего корма и дешёвого освежителя «лаванда», прежде чем долетает аромат её парфюма.

— Ну привет. — Алиса будто с нашей последней встречи ждала на пороге.

— У меня час.

Не церемонясь, шагаю внутрь. Хватаю под задницу и впечатываю язык ей в рот. Лис тут же тихо подстанывает. Вешается, обвивая ногами мои бёдра.

Отлично. Никаких уговоров и выноса мозга.

— Я соскучилась, — вдруг выдыхает мне в губы.

— Значит, я вовремя, — рву слюнявый контакт и тащу тоскующую Лис на диван.

Пресекаю попытки замедлиться — томные поцелуи последнее, что мне сейчас нужно.

— Давай сверху, — шлёпаю по заднице, и она тут же послушно устраивается.

Стаскивает с меня футболку, почти не отрываясь от шеи, когда я просто стягиваю её майку вниз.

Белую, блядь.

— У тебя нет другой майки?

Лис моргает, не понимая вопрос. Я и сам не вдуплю, как это могло вылететь.

Уже с неделю в голове одна и та же дрянь: лестница, майка, ресницы и мерзкий шёпот:

Ты красивый...

— Забей.

Срываюсь на небольшую грудь, цепляя пальцами торчащий сосок и следом прохожусь основательнее, захватывая его зубами.

...И трахаешься наверняка отменно.

— Почему ты не ломалась?

— Что?

Я вскидываю голову и внимательно слежу за растерянными взмахами ненатуральных ресниц.

— Ты дала мне в первый же вечер, Лис. Почему?

И что я намерен выяснить?

— Потому что ты... красивый, — заигрывая тянет она.

И всё?!

...отменно. Какой в этом смысл?

Иди на хер, Мышь!

— А ты иди сюда!

Рывком подтягиваю её за талию, срываю кусок синтетической тряпки, зашвыривая его в другой конец комнаты. Снова затыкаю себе рот упругой грудью.

— Так хорошо... Да, Артём... — её шёпот тонет, и вместо него всплывает уже изрядно осточертевшая Мышь: *...недостаточно. Ты не потянешь.*

Мотаю головой, будто реально могу вытрясти это из черепа.

Не обижайся. Мне нужно чуточку больше.

Да, господи!

Закипаю. Отвращение накатывает не только к Алисе, но и к самому себе.

Да что ты, блядь, от меня хочешь?! Отношения? Серьёзно?!

Лис извивается, уже расстёгивает мне джинсы, а я понимаю: всё.

Кончился.

У меня сдох.

— Стой, — поддеваю её подбородок. Целую в губы, она отвечает, но ни черта не меняется.

— Лис. — *Чёрт. Как это сказать? У меня не встал?* —

У тебя чай есть?

— Эээ... Чай? — Она моргает и, кажется, понимает. — Артём, у тебя... что-то болит?

Да. Эго. Кажется, ему пиздец.

— Голова, — отмазываюсь как тёлка.

Следующий час мы сидим и пьём, мать его, чай. Чай, блядь. Вместо секса. В кружке и с печенькой, как у бабушки. Смотрю на обшарпанный стол — и хочется ржать.

Куда я, Артём, скатываюсь?

Алиса молчит, и раньше я, кажется, это ценил.

— Как думаешь, я эмпат? — срывается с языка, даже не понимаю зачем.

— Звучит как болезнь, — усмехается Лис, не врубаясь.

А может это реально болезнь?

— У нас в мозгу есть специальные нейроны, которые отвечают за эмпатию, — цитирую Мышь дословно. — Как считаешь, они у меня есть?

Алиса кривится и принимается что-то выискивать в телефоне.

— Ты гуглишь? — бросаю, стараясь замять раздражение.

— Я вообще-то к сексу готовилась, а не к экзамену по философии.

Психологии вообще-то.

— Не важно, — встаю, натягиваю куртку. — Мне пора.

Выхожу на лестницу. Лифта как не было, так и нет. Про-

курено, чей-то мат за дверью, облупленные стены, и чьё-то послание, выцарапано по краске: Даша — шлюха.

И отчего-то я чувствую себя Дашей.

Все девять этажей ада.

11. Не друзья.

Ли́ка

Счёт — 0:0

Всё, я сдаюсь. Не так уж мне и нужен сон.

Лежу, уставившись в потолок и, кажется, знаю на нём уже каждую трещину.

Раз. Два. Ближе к углу — третья. Считаю их, будто это овечки.

Хлопок в коридоре, и я слышу шаги.

Нет, это галлюцинации. Больше я не куплюсь. Мозг подсовывает желаемое за действительное. Зажмуриваюсь, утыкаюсь в подушку.

А вдруг это он?

Стоит только подумать об Артёме, как пересыхает во рту, будто пить хочется.

Встаю. Выскальзываю в тёмный коридор, а там — никого.

Ну и ладно. Не очень-то и хотелось, просто попью воды.

Крадусь по ледяным ступеням вниз, холод пробивает сквозь тонкую пижаму до дрожи. Стоило бы вернуться за халатом, но мне лень. Уже мечтаю о тепле одеяла, под которое скоро вернусь, когда улавливаю тусклое свечение из кухни.

Сердце проваливается под рёбра, но я всё равно делаю шаг.

Аромат только что сваренного кофе аппетитно витает в воздухе.

Артём сидит за столом — в майке, с чуть влажными после душа волосами. Что-то печатает в ноутбуке. Уставший. Спокойный. Не тот Артём, который вечно стебётся надо мной, а другой — взрослый, собранный. Чужой, и от этого особенно настоящий.

Сама не замечаю, как оказываюсь у раковины. Очень хочу заговорить, но делаю вид, что зашла случайно, выставя стаканы из шкафчика.

Зачем стаканы? Мне нужен один.

— Привет, — говорю тихо, наливая из кувшина воду. — Тебя совсем не видно.

Прислоняюсь поясницей к столешнице, делаю глоток. Делаю глоток. Потом ещё один. И ещё. Кажется, я только что выпила целый стакан исключительно потому, что он молчит.

Ну давай же, Артём, посмотри на меня.

И он смотрит. Нервозность отступает мгновенно, как только поднимает глаза. Улыбаюсь его привычным чертам лица — в полутьме они кажутся мягче.

— Не спится?

— Спустилась попить. Но... — *думай, Лика, думай!* Открываю морозилку и выковыриваю баночку мороженого. — Но вдруг захотелось чего-то сладенького.

Выуживаю ложку из ящика и устраиваюсь напротив него, поджав ногу. От ледяной баночки и без того замёрзшие паль-

цы начинают коченеть. Но я не подам вида.

— Знаешь, без тебя в доме как-то подозрительно тихо. И мне... скучно, — тяну, сморщив нос. Холодный кусочек мороженого щиплет язык. *Брр!*

Я так скучала, дурень.

Артём склоняет голову к плечу. В карих глазах вспыхивает знакомый блеск, а уголки губ наконец сдаются. Ещё минута, и я поверю, что улыбки способны спасти мир.

Уже набираю в грудь воздух, чтобы ляпнуть какую-нибудь глупость. Вдруг улыбка станет ещё шире. Короткая вибрация на столе заставляет осесть.

Алина: Привет. Давай поговорим?

Ну нет.

Он лишь мельком пробегает глазами по экрану, переводит телефон дисплеем вниз и отодвигает подальше.

Всё.

Взгляд снова утыкается в монитор. Пальцы привычно стучат по клавишам. Кажется, нам не хватило всего одной минуты.

— Ммм, попробуй, — стону и непринуждённо протягиваю ему ложку.

Уверена: Алина лечится клубничным.

— Ты же боялась заразиться. — Он быстро оттаивает. — Я что, прошёл какую-то санитарную проверку?

— Фу, какой ты злопамятный, — фыркаю и, не удержавшись, тычу ложкой прямо ему в рот. — Быстрее, Артём, оно

тает. Спасай ноутбук!

Он сдаётся. Съедает эту навязанную порцию прямо из моих рук. Облизывает ложку. Блин, мою ложку. *А это считается поцелуем?*

Смеёмся вместе и, кажется, я впервые слышу этот смех — настоящий и громкий, как у мальчишки.

— Вкусно же?

— Угу, — соглашается он. — Только у меня аллергия на молочку.

Охренеть! Я вскакиваю.

— Да ладно? А нахрена ты тогда ешь всё, что дают? Господи, таблетки? Где они?! Выплюнь!

Он смеётся ещё громче. *Сука... разыграл меня.*

— Ты говорил, что не врёшь!

— Я говорил — не люблю врать. Чувствуешь разницу?

Чуфстфуешь! — мысленно корчу ему рожу. Только что я скучала. А теперь хочется его придушить. И, что самое ужасное, стоит уйти и я наверняка снова буду скучать.

Замолкаем. Я всё ещё посмеиваюсь, уплетая мороженое, а он вдруг смотрит на меня странно:

— Тебе холодно?

— Нет, — зачем-то вру я и опускаю взгляд, куда он кивает. Сквозь тонкую майку проступают «индикаторы» температуры.

— Ах ты! — срывается, и я скрещиваю руки на груди.

— Мышь, у тебя кожа в мурашках. Надень, — он снимает

худи со стула и протягивает мне. Тёплое. С его запахом.

Пока ныряю в него с головой, слышу:

— И я не злопамятный.

Ага, конечно.

Напомнил о слове, брошенном десять минут назад, чтобы доказать, что не злопамятный. База.

Артём

Я сам не понимаю, что мне нравится больше — то, с какой лёгкостью она влезла в моё пространство, или то, с каким удовольствием я её впустил.

Сижу, ем это дурацкое мороженое, которое терпеть не могу, и не отрываю взгляд. От её наивного лица в веснушках. От губ, которые она всё время пачкает и тут же облизывает. От её смеха — заразительного, чистого. И от дерзости, что вспыхивает мгновенно, стоит мне её хоть чуть смутить.

А ещё — она в моём худе.

Меня это радует, как шестнадцатилетнего идиота.

А это даёт мне право, как только ей станет жарко, её раздеть?

— Я не злопамятный, — отнекиваюсь.

— Ну, тут я бы поспорила, — шуруется Мышь. — Ладно, оставим на карандаше. Но кое-что скажу точно: ты упрямый, закрытый, берёшь всё, что тебе нужно, — манипулятивно. И у тебя гипертрофированный контроль. Ты всё контролируешь. Мне кажется, иначе тебе просто тревожно.

— Оу! Я что, на приёме у психотерапевта? — откидываюсь на спинку стула, закидываю руки за голову. *К чёрту дипломную.* — Продолжай, мне нравится.

— Уверен? — серьёзничает она. — Будет немного больно.

— Угу, — киваю.

— Ладно. — Она водит ложкой по баночке, как будто размешивает меня. — Только учти, я только учусь и могу ошибаться. — У тебя много связей. Если убрать возраст, темперамент и гормоны, которые зашкаливают, то получается: секс для тебя — способ справляться. Терапия. Эмоциональной близости у тебя ни с кем нет. Поэтому всё, что не вмещается, ты пытаешься урегулировать интимом. Пока работает. Но рано или поздно сломается. Нужен эмоциональный контейнер⁴. Ты либо научишься сам выдерживать свои чувства, либо найдёшь того, кто станет таким контейнером. Но это уже зависит от твоих тараканов.

Нихрена себе ты учишься.

— Эй, ты спишь? — вдруг машет рукой у меня перед лицом. — Улавливаешь что-то?

— Пытаюсь, — улыбаюсь и перевожу с её психологического: — Резюме: я молод, красив и сексуален. Ни с кем не состою в серьёзных отношениях. Трахаюсь, чтобы лечить душу. А скоро перестану — благодаря чему-то или кому-то. Ах

⁴ Эмоциональный контейнер — способность человека принимать, выдерживать и перерабатывать сильные эмоции, не подавляя их и не позволяя им управлять поведением.

да, ещё тараканы в контейнере.

— Ну типа того, — заливается Мышь. — Может, хватит?

— Нет, продолжай, — настаиваю я. — Мне правда интересно.

Хочу понять, как глубоко ты способна залезть.

— Хорошо. Проще: внутри ты хочешь зайти дальше секса. Но как только появляется риск привязаться — включается защита. В психологии это называется «запрет на привязанность». Твоя психика спасается бегством. Обычно за этим стоит разочарование в прошлом. Возможно, ещё в детстве.

Я не двигаюсь. Перед глазами плывёт — чёрное платье в мелкий горох, кожаный пояс, красный чемодан с блестящей молнией. Нашивка отодрана, торчат нитки. Детали, стёртые годами, вдруг вспыхнули ярко. Становится жутко.

— Пожалуй, на сегодня хватит. — Мягкий голос Лики вытаскивает меня из памяти девятилетнего ребёнка.

Только теперь замечаю, как мои пальцы барабанят по столу.

— Пожалуй, хватит, — вторю чуть заторможенно и щёлкаю тумблером. — Для ночного перекуса слишком калорийно.

Забираю баночку у неё из пальцев и отправляю ложку в рот. Вкус... и правда хрень.

— Вот так ты расплачиваешься за глубокий психоанализ? — Мышка бунтует, наблюдая, как я скребу дно стаканчика. Забавная.

— Угу, — издаваюсь и, наклонившись, подношу стаканчик к её губам. — Возьмёшь чаевые?

Её щеки мгновенно вспыхивают румянцем. Она зависает, а я наклоняю сильнее.

— Быстрее, Лик, оно вот-вот капнет. Не провоцируй мою больную фантазию.

Лица делает глоток и смеётся. Чёрт. У меня вздрагивает всё внутри от её беззаботного смеха. Лечит просто своим присутствием.

— А я эмпат? — Я сегодня всех достану этим вопросом. Особенно первоисточника.

— Отлично. Карандаш «злопамятный» стираем и обводим ручкой.

— Да и похер. Ответь прямо: я эмпат?

— А сам как думаешь? — Лица оттягивает на груди моё худы. — Ты заметил, что я мёрзну, а я даже не успела пожаловаться.

Хитрая, умная Мышь. Как ты это делаешь? Заводишь, смешишь, бесишь и лезешь в душу одновременно. И самое паршивое, что мне этого уже мало.

— Честно, — бурчу, как дед, — я так и представлял поход к психологу: все проблемы из детства.

— Отрицание — первый признак, что я попала, — подмигивает она.

Встаёт, забирает пустую коробочку и выбрасывает в мусор. Я смотрю ей вслед: отрицать и правда глупо. Она сказа-

ла вслух то, чего я сам себе не разрешал. А ещё — впервые понимаю: не хочу бежать.

— Лик, — зову, когда она почти в дверях.

— М? — оборачивается.

— Я не хочу с тобой дружить, — говорю предельно серьёзно. — Ты знаешь, чего я хочу.

Мышь закатывает глаза. Но уголки губ предательски тянутся вверх — вместе с убойной дозой дофамина в моей крови.

— Взаимно. Для друга ты меня слишком бесишь.

12. Утро, музыка, ты.

Ли́ка

Счёт — 0:1

Спала ли я в худи Артёма? — Чёрт, да.

Собираюсь ли я сделать это ещё и ещё раз? — Естественно.

Глупо до безобразия, но сразу после душа я натягиваю его худи на влажную кожу. Представляю: это он касается меня. Гладит. Дышит в шею. Хватает, как в том сне и... я делаю всё сама. Конечно, у него вышло бы круче.

Засыпаю, как полная дура, обняв кусок ткани, пропитанной его запахом.

Боже, пора перечитать Боулби⁵ — отца теории привязанности.

С того вечера откровений больше не было. Более того, обсуждение того ночного эпизода у меня под меткой табу.

Но после него однозначно всё стало иначе.

Артём стал попадаться мне на глаза подозрительно часто — конечно же, случайно. В прихожей — обязательно мелькнёт в зеркале, когда я собираюсь в университет. Случайно. Каждое утро. За ужином — непременно потянется именно

⁵ Джон Боулби — британский психиатр и психоаналитик, создатель теории привязанности.

за тем, что рядом со мной: хлеб, соль, пустой, блин, стакан. А то и выходит из душа — и по великой случайности на нём одно полотенце там, где должны быть брюки.

Совпадения закончились примерно на третий день. Больше я не верю в случайности.

Родители собираются на ужин вне дома. Я уже на пути к себе, но возвращаюсь за зарядкой, когда застаю маму в прихожей.

Она у зеркала застёгивает уже третью пару серёжек. Застываю, любуясь: светлые волосы — лёгкие волны, подсвеченные бликами, аккуратно убраны назад. Голубое платье, в цвет её глаз, и каблуки высотой, которую она покоряет только на светских раутах. Безупречная.

За окном мигает свет фар, Влад уже наверняка заждался в машине.

— Как тебе? — Мама чуть отступает от зеркала, расправляя юбку.

— Стильно, — улыбаюсь я. — Только ты можешь выгуливать такое платье посреди недели.

Машинально скольжу взглядом к дивану, где развалился Артём.

Он листает что-то в телефоне, закинув ногу на колено. В белоснежной рубашке, в джинсах, на запястье часы. Тщательно вылизан, чтобы провести вечер со мной за тупой мелодрамой.

Не очень-то и хотелось.

— Спасибо, дорогая, я стараюсь, — выдёргивает меня из мыслей мама. — Кстати, завтра я еду с Владом в офис, потом расскажу. Просто вызови такси заранее, ладно? Не опоздай на пары.

— Я подкину, — вклинивается в наш разговор Артём.

Наши взгляды пересекаются в отражении. Он вообще хоть иногда предупреждает о своих решениях?

— Вот и прекрасно, — подхватывает мама, когда всё контролирующей Артём натягивает куртку. — Я же говорила, он душка.

— Ну это вряд ли, — кривится тот, пока мама, как ребёнка, щиплет его за щёку.

Они уходят вместе, а я поднимаюсь к себе, делаю пару попыток открыть учебник, но тщетно — мысли расползаются, не оставив мне даже шанса сосредоточиться.

Ложусь раньше обычного и долго всматриваюсь в темноту.

Переворачиваюсь, утыкаюсь в подушку.

— Да хватит лыбиться! — ругаю себя, как будто это поможет.

Сорок минут с этим идиотом — в одном тесном пространстве, без перерыва, так близко...

Блин.

Сердце колотится, ладони потеют так, будто я уже в машине. В животе — глупое щекотание, как перед экзаменами.

Я дёргаю одеяло до подбородка, переворачиваюсь на бок.

Пожалуйста, только не ведись на его провокации... Спи.

Просыпаюсь раньше будильника.

Да вы издеваетесь. Обычно до семи меня не растормошить, а сегодня солнце только дотронулось подоконника — и я уже таращусь в потолок с идиотской улыбкой. Которую душем, кстати, тоже не смыть.

Это вообще лечится?

Сегодня мир просто обязан мне подыграть. Если, конечно, я сама всё не испорчу. Стягиваю волосы в хвост и придиричиво оцениваю результат.

Нет. Мир мне всё-таки ничего не должен.

Распускаю и собираю снова не так старательно. Выпускаю пряди у висков, предварительно накрученные на... хотелось бы плойку, но я опоздаю, поэтому палец.

Лёгкий макияж. Капля парфюма на оба запястья.

Дальше джинсы.

Эти делают меня тощей. Эти — квадратной. Эти вообще будто сняла с папы.

В итоге возвращаюсь к первым, тёмно-синим с высокой посадкой — единственным, в которых есть шанс понравиться хотя бы самой себе.

Чёрный топ плотно обтянул грудь и намекнул, что у меня бледная кожа. Не слишком вызывающе? Нет. Отличницам в его тачке точно не место.

Тонкие серьги. Блеск для губ. Столько усилий, чтобы просто выглядеть так, будто я не старалась вовсе.

Хватит.

Спускаюсь вниз, по пути заглядывая на кухню за традиционным «Эль-Класико». Уже в прихожей бросаю контрольный взгляд в зеркало.

Нет. Ну нет же.

Ещё пару секунд выискиваю, что опять не так, а после решительно стягиваю резинку, по ощущениям вместе со скальпом, и взъерошиваю пальцами волосы.

— Сработай, внезапная небрежность.

Пожалуйста.

Глубокий вдох. Распахиваю дверь. Первым бьёт в глаза тёплое утреннее солнце.

А потом — он.

Прислонившись бедром к машине, Артём скучающе листает что-то в телефоне. Только услышав хлопок двери, скидывает голову и сразу выпрямляется по струнке, заметив меня.

Ну здравствуй, самое плохое решение в моей жизни.

Широкие тёмные брюки, светлая водолазка, поверх растёгнутая куртка. Под тонкой тканью упрямо проступает рельеф, который я изо всех сил стараюсь не замечать. Получается плохо.

Стоит нашим взглядам встретиться, как уголок его губ едва заметно ползёт вверх. Настолько быстро, что я почти успе-

ваю улыбнуться в ответ.

Почти.

Потому что уже в следующую секунду от этой улыбки не остаётся и следа. Артём спокойно отталкивается от машины, подходит ближе, открывает пассажирскую дверь, словно между нами ничего не поменялось.

Поменялось же?

— Привет, — выдыхаю несмело.

Он лишь мельком скользит по мне взглядом. Медленно и так внимательно, что я успеваю пожалеть и о распушенных волосах, и о джинсах, и о чёртовом топе.

Лишь придерживает дверь, терпеливо ожидая пока я сяду.

Артём

Она идёт ко мне — и меня намертво прибивает к асфальту. Ветер играет с волосами, бросает пряди ей на губы. Она привычно убирает их за ухо, и я понимаю, что знаю этот жест наизусть.

Теперь бы только не облажаться.

— Привет, — тихо говорит она.

Подними глаза. Ответь. Улыбнись хоть, идиот.

Вместо этого я позволяю себе лишь на секунду встретиться с её голубыми глазами.

Фатальная ошибка.

Потому что следующая мысль настолько хреновая, что единственный способ её не осуществить — вообще пере-

стать смотреть на Мышь.

Она специально так вырядилась?

Машина мягко выкатывается со двора, а я снова возвращаюсь к одной и той же чёртовой фразе. Наверное, уже сотый раз за неделю.

Взаимно. Для друга ты меня слишком бесишь.

Что, мать её, взаимно?

То, что мы не хотим дружить?

Тогда чего мы хотим?

Конкретика, Мышь.

— Всё в порядке? — обрывает конструктивные размышления её тихий голос.

Моргаю несколько раз. Мы уже выехали на проспект, а я почему-то не помню ни одного светофора.

— О чём ты?

— Не знаю... — Она чуть хмурится. — Где идиотские шуточки?

— Неужели соскучилась?

Три «Н», способные смутить Мышь: наглость, напористость и немного юмора.

Так и думал. Она только фыркает и прячет улыбку за окном.

— А музыки нет? — бесцеремонно интересуется через секунду.

Есть. Я наугад запускаю плейлист, чуть сбавляя на повороте скорость, и из колонок лениво растекается какая-то ме-

ланхоличная тягомотина. Самое то, чтобы собрать мозги.

Мыши не нравится. Первое, что она делает — морщится, а второе — решительно тянется к панели и без всякого стеснения переключает трек.

Не вопрос.

Я молча возвращаю и прибавляю громкость. Дерзкий взгляд возвращает негодование в двойном размере — она показательно тянется, выкручивая звук до нуля.

Мелкая провокаторша.

— Эй, Мышь! — Меня пробивает на смех. — Между прочим, это моя машина.

— Ты хочешь уснуть за рулём?! — Её глаза вспыхивают нечитаемой для меня искрой. — И я не Мышь!

— Мышка, — быстро исправляюсь. — Что не так? Милое же прозвище.

Нет. Она со всех сторон хороша, но наблюдать её лицо, мне нравится чуть больше, чем затылок.

— Это странно, — наконец оборачивается. — Меня просто так папа называл. Странно слышать это снова. Тем более от тебя.

— Мышь?! — Я безуспешно пытаюсь проглотить улыбку.

— Да, Мышь. Я хомячила печенье, которое он старательно прятал. Делал вид, будто я вне подозрений. В доме завелась Мышь, говорил каждый раз, выбрасывая пустую пачку в урну.

Мышка тепло улыбается, будто прямо сейчас проживает

эти эпизоды снова.

— Тогда папа просто сметал дорожку из крошек, которая вела до самой моей комнаты... и не сдавал меня маме.

— И давно ты Мышь?

— С пяти до шестнадцати, — она замолкает, потупив взгляд. А я внезапно ощущаю себя полным придурком.

— Он...? — вовремя успеваю прикусить язык.

— Я очень скучаю по его голосу.

Ясно.

— Так ты Хомяк, а не Мышь, — ляпаю первый бред, что приходит в голову.

И слава богу, она смеётся.

Похоже, не меня одного до сих пор не отпустило прошлое.

— Значит, Мышь? Или всё же Хомяк?

— Угу, — она смотрит в стекло, но странно, только вздёрнутых уголков её губ в отражении мне достаточно.

Мышь. Запатентовано с сегодняшнего дня.

Пару касаний пальцев по панели и телефон в её руках звизгивает уведомлением.

— Прими сопряжение.

— Ммм, так интимно звучит. — Она уже флиртует.

Это нормально, что меня прёт даже от слова «интимно»?

— Спасибо за сотрудничество, Артём Владиславович.

— Пожалуйста, Анжелика. Только это превышение полномочий.

— Угу. А ещё забота о твоей когнитивной стабильности.

Ли́ка

Пальцы мечутся по экрану, листая плейлист, будто от выбора песни зависит судьба человечества. С ума сойти: я, сидя в машине за... сколько там миллионов? — отвоевала у этого идиота право на выбор музыки. Я выбираю саундтрек к нашему утру!

— А тут хорошая акустика? — умничаю, будто понимаю, о чём спрашиваю.

— Тут акустика с диапазоном от двадцати герц до двадцати килогерц, с искажениями меньше нуля целых одной десятой, — выдаёт справку. — Так что поуважительнее с моей девочкой.

Усмехаюсь.

— Про девочку поняла, а остальное на испанском?

— Ты кайфанёшь.

Убеждение низким тембром почему-то отзывается совсем не в ушах.

Вау.

Из динамиков льётся гитарная подводка, будто тонкими струнами музыка приятно царапает кожу. Следом мой слух пререзает голос:

For a while there, it was rough

[Какое-то время было тяжело]

But lately I've been doin' better...

*[Но в последнее время мне стало лучше...]*⁶

— Охренеть, — срывается у меня.

Откидываюсь в кресле, зажмурившись, и растворяюсь в каждой проникающей в меня ноте. Кажется, я начинаю понимать ценность этого диапазона. Удары по струнам не только витают в салоне, они бьются у меня в груди. Тембр исполнителя щекочет рёбра на самых хриплых нотах, и на меня без спроса накатывает широченная улыбка.

Распахиваю глаза и врезаюсь в кофейный карий.

Oh, I hope I don't lose you

[О, я надеюсь, что не потеряю тебя]

Давно он на меня смотрит?

Мои щёки заливаются краской, а ритм уже настолько подхвачен телом, что я не в силах сдержаться.

Давай же, раздели это со мной!

Естественно, этот сноб морщит нос.

Mmm, please, stay...

[Мм, пожалуйста, останься]

I want you, I need you, oh God...

[Я хочу тебя, ты мне нужна, о Боже]

Голос мелодично подстывает, я подпеваю — ужасно сбиваюсь, но мне плевать. Хочу кричать вместе с ним и вдруг замечаю: пальцы отбивают ритм по рулю. Потом едва заметно шевелятся губы.

— Ты знаешь её! — взвизгиваю. — Громче!

⁶ James Major — «Beautiful Things».

И он сдаётся. Поёт. Сначала тихо, потом раскатистее, пока следующая строчка не накрывает нас обоих:

These beautiful things that I've got...

[То прекрасное, что у меня есть...]

И вот мы уже вдвоём кричим во весь голос, на всю машину, будто мир схлопнулся и оставил только нас. Я смеюсь, голос срывается на хрип, Артём колотит ладонями по рулю. Наши голоса так естественно сливаются в один.

Захлёбываюсь в этом ощущении абсолютного счастья. Диком, чистом, беспомощном всплеске, подступающем к груди. Он достигает пика где-то в животе и растворяется импульсом до самых кончиков пальцев. Удивительно легко чувствовать себя настолько беззащитной.

Мне хочется верить, что он чувствует то же самое. Мы провоцируем друг в друге эту волну эйфории, и она накрывает так резко... Разбивается.

Чёрт. Кажется, ещё немного и я получу эмоциональный оргазм...

Нет.

Всё волшебство обрывается мерзким звонком из динамиков, режущим слух.

На панели мигает: Рома.

— Блин! — дёргаюсь к телефону, но Артём опережает и жмёт «ответить».

— Да ты издеваешься?!

Он просто игнорирует моё бешенство, и как ни в чём не

бывало, возвращает пальцы на руль.

— Привет, — совершенно нелепо по салону гремит голос Ромы. — Лик, у нас пары в другом корпусе, помнишь?

Кажется, я сама раздражаюсь от того, что одnogруппник так бесцеремонно вломился в наш мир.

— Да, Ром. Спасибо. Буду через... пятнадцать минут. Тянусь сбросить.

— Слушай, мы вечером всей группой идём в бар. — *Блядь!* — Ты с нами?

— Я даже не знаю...

Ли́ка, а зачем мы только что посмотрели на Артёма? Ждём, когда разрешит?

Хотя, то, что я наблюдаю, мне нравится — упрямый взгляд сверлит дорогу, челюсть сжата...

— Да брось! — не унимается Рома. — Выпьем, потанцуем, ты расслабишься. Обещаю, тебе понравится.

Неистово горят уши и мне стоило ещё минуту назад отказать, но я отчётливо читаю по губам напротив:

— Обещаю, тебе понравится, — беззвучное передразнивание.

Охренел?

— Ладно. Давай, — выпаливаю я и не могу сдержаться от победной улыбки.

Артём дёрнул голову и сейчас выжжет взглядом дыру в лобовом стекле.

Глухим фоном музыка возвращается в салон. Уже другой

трек, тот упущен. Момент мёртв и не оживает до самой парковки.

Больше мы не проронили не слова.

Отстёгивая ремень, я намеренно долго копошусь, подбираю слова, когда...

— Привет. Ты вечером свободна? — улыбочиво допытывается Артём к кому-то в трубке.

Правда надо спрашивать это у какой-то тёлки именно сейчас?

13. Танцы на нервах.

Ли́ка

Счёт — 1:1

На общей психологии я честно конспектирую первые пять минут, потом ухожу в витание — от строчек в тетради остаются только обведённые в сердечки фамилии классиков и каллиграфия на полях словом "Мышь"

Дальше — социология семьи. Любимая дисциплина для дневного сна. А между парами в коридоре Ася буквально сносит меня с ног, сияя, под стать рекламному баннеру:

— Детка, сегодня оторвёмся! — хватает меня за локоть и трясёт, будто хочет вытрясти из меня энтузиазм. — Надеюсь, ты пьёшь?

И зачем я согласилась?

Роман — серийный убийца красивых моментов. Мелькает ровно столько раз, чтобы бесить, но не настолько часто, чтобы назвать его навязчивым. И, чёрт, это работает. Слишком нерешительный, чтобы я наконец могла его отшить.

До вечера ещё целая вечность. Ася права — мне жизненно необходимо оторваться. Хотя бы ради эксперимента: проверить, способен ли мой мозг хотя бы пару часов не думать об одной нахальной красивой морде.

Такси только останавливается у дома. А я уже мысленно прошмыгнула пустую прихожую, взлетела по лестнице и стою перед распахнутым шкафом, выбирая себе наряд.

Шорты или юбка? Юбка или...

Какого чёрта?

Вспоминаю, что у отвратительного хозяина этой потрясающей тачки сегодня свидание, и он наверняка укатил на такси.

— Мам, я дома! — бросаю на ходу, скидывая обувь.

Чем-то очень вкусным тянет из кухни, и я буквально бреду, как Рокфор на запахи сыра.

— Я ужинать не буду, мы с группой идём... — застываю в проёме, наблюдая, как Артём, стоя у холодильника, медленно отправляет кусок сыра в рот.

У холодильника. Вместо ресторана или мотеля.

По инерции пячусь и больно наступаю пяткой на собственный кроссовок.

— Ауч!

Влад за столом залип в телефоне, а мама с должным вниманием смотрит на меня, размешивая чай.

— Вы куда?

— В «Гадкий койот», — старательно игнорирую его издевательские попытки предложить мне в воздухе пару раз откусить.

— Бар «Гадкий койот»? — взлетают брови мамы.

Я знаю, что она представила, потому что совершенно случайно мы с ней недавно смотрели этот фильм.

— Угу, — жуя, комментирует Артём. — Они там и на стойке так же развратно танцуют.

Сволочь. Он успевает раньше, чем я открываю рот.

— У-у-у, — тянет мама, словно живописно представила.

— У меня тоже там встреча. Подвезу её заодно.

Открывает холодильник, достаёт сок, и я вижу этот заговорщический обмен взглядами: он — невинный, мама — умилённая.

— Что?! — забрасываю кроссовок в прихожую. — Спасибо, конечно, но я на такси!

— Дочь, не глупи. Пятничный вечер, водителя не дождёшься. Езжайте вместе.

Влад кивает. Мама кивает. Если бы у нас был кот, он бы тоже кивал.

Я знаю зачем они пытаются нас сплавить: кто-то навёрстывает медовый месяц. Закатываю глаза и предпочитаю сбежать, когда слышу за спиной:

— Присмотришь за ней?

— Придётся.

Какой же мудака! Ничего святого — втёрся в доверие к маме, чтобы что? Грёбанный контрол-фрик.

Поднимаюсь по лестнице и слышу шаги позади. Я даже не прочь задержаться, чтобы высказать.

— Ты издеваешься? — бросаю через плечо. — В тот са-

мый бар?!

— А ты не веришь в совпадения?

— Я не верю тебе! Зачем, Артём? Чтобы считать мои шоты и записывать, с кем я флиртую?

— Можешь не флиртовать на виду — и считать будет нечего.

— Ты... Ты... — Я взвизгиваю от возмущения. Не хватает слов, на уме одни маты. — Видеть тебя не хочу!

С психом распахиваю дверь своей комнаты. А он захлопывает свою — синхронно. Естественно. Мы же каждый день репетируем.

— Через сорок минут жду в машине, — бросает он уже через щель.

Повторный хлопок моей двери звучит красноречивее любого ответа.

Если бы злость можно было преобразовать в алкоголь, к бару я была бы готова без единого шота.

До бара почти час.

Чтобы не скатиться в очередную перепалку, сразу набираю Полину и включаю режим болтушки на максимум. Пусть мой голос займёт всё пространство. Так у него не останется шанса вставить свои гениальные комментарии.

Развлекаю сама себя и подругу, перескакивая с темы на тему. В какой-то момент разговор уводит нас к её бывшему.

И тут я так увлекаюсь, что замечаю, насколько откровенно уселась, только когда начинаю рисовать круги по колену.

Артём бросает на меня неодобрительный взгляд. Потом ещё один. Но молчит.

Красиво, да? Жаль, трогать нельзя. Придурок.

Откровенно, мне даже нравится. Это только подливает топливо в мою уверенность — я чувствую, как его раздражает мой смех, мои босые ноги, бесцеремонно закинута на чистую панель. Весь этот показушный вызов.

Как только машина сворачивает к парковке, я сразу сбрасываю звонок, натягиваю туфли и вытаскиваю из сумочки помаду. Одним движением провожу по губам и закрываю колпачок с демонстративным щелчком.

— Не вздумай лезть ко мне в баре, — цежу. — Мы не знакомы. Понял?

— Посмотрим, Мышь. Если закроешь дверь ласково, я подумаю.

Замираю, решая, как лучше взорваться. Но к своему собственному удивлению — молча открываю дверь и мягко, почти нежно, притягиваю её к раме. Даже щелчок замка звучит громче, чем хлопок двери.

Моя маленькая победа в первом раунде.

Или его?

Огни *Coyote Ugly* бьют в глаза ещё с улицы. Неоновая вывеска, ковбойские шрифты, очередь у входа, а басы долбят так, что под ногами едва заметно дрожит асфальт.

Отлично. Может, хоть они выбьют из головы лишние мысли.

Стоит переступить порог, и сердце мгновенно сдаётся ритму. Внутри полумрак, по барной стойке скачут девушки в мини и мокрых майках, где-то у их ног феерично пролетает бутылка. Бармен ловит её одной рукой, и зал взрывается одобрительным гулом.

В моей груди вместо сердца — сабвуфер.

Какой здесь диапазон?

— Лика!

Из этого зрелищного безумия меня выдёргивает Ася. Налетает первой, набрасываясь с объятьями так яростно, что я едва удерживаюсь на каблуках. За её спиной уже машут остальные ребята. Навскидку, тут половина нашего факультета.

Окидываю взглядом стол, ломящийся от цветных коктейлей, и сразу же натыкаюсь на улыбку Ромы. Или он мне опять подмигнул?

— Детка, ничего не знаю, мы обязаны взорвать этот танцпол! — перекрикивает музыку Ася, дожёвывая вишню.

— Этот? — усмехаюсь, кивнув на прыгающую толпу, через которую не протолкнуться.

Подруга кивает.

Без лишних вопросов я опрокидываю первый же обжигающий шот, который кто-то заботливо подсовывает мне в руку.

— Тогда несите ещё! — смеюсь и машу официанту.

Через пару минут передо мной появляется поднос с шестью шотами. Поднимаю глаза, чтобы отблагодарить улыбкой молодого официанта, любезно спонсирующего мою решимость. Когда за его плечом, сквозь мерцающий дым, цепляю знакомый силуэт.

Чёрная расстёгнутая на неприличное количество пуговиц рубашка, джинсы, в пальцах коктейль цвета колы и сногсшибательная рыжая девушка рядом.

Отличный выбор.

Я уже собираюсь отвести взгляд, как вдруг пересекаюсь с его — терпеливо наблюдающим.

— *Присмотришь за ней.*

— *Придётся.*

Взрослый, блин, присматривает за детским садом.

Не думая, вскидываю стопку в воздух, как безмолвный тост, и он отвечает тем же жестом: лёгким движением стакана и быстрым глотком. Будем считать, это разрешение на веселье.

На танцпол мы с Асей влетаем, как две сумасшедшие — смеёмся, прыгаем, машем руками в такт. Тормоза окончательно отказали где-то между шотами и оглушающей музыкой.

— Танцуют все! — орёт за спиной чуть пьяный голос, и я дёргаю голову в его сторону.

Рома. И честно, его подмигивания мне уже изрядно под-

надоели.

Сначала он танцует рядом, повторяя мои жесты руками, нелепо утрируя. Не возможно сдержаться, я смеюсь, а он ловко хватает мою ладонь — и вдруг прокручивает под своей рукой, как в фильмах. Я взвизгиваю от неожиданности, оступаясь и чуть не падаю, рефлекторно цепляясь за его мокрую шею. Фу.

Лицезреть его нос так близко как-то некомфортно, поэтому я немного пячусь.

— Неожиданно... — Он притягивает меня за талию, и тут же, сбивчиво шепчет в ухо, касаясь волос: — Ты красивая.

Тупее комплимента я не слышала.

Если бы не алкоголь, я бы решила, что окончательно сошла с ума. Вместо ответа молодому симпатичному однокласснику я ищу сквозь мельтешащую толпу единственный взгляд, которому на меня плевать.

Охренеть. Я даже здесь ищу его разрешения?

Артём всё там же за столиком в углу зала, теперь в компании двоих, о чём-то мило беседует с компанией. Но кофейный взгляд я, кажется, всё-таки ловлю. Ловлю же? На секунду мне кажется, он готов сорваться с места, если я намекну.

Бред. Выдыхаю и тут же натягиваю улыбку.

— Ты тоже ничего, Ром. Но танцуем мы, как два пьяных пингвина.

Он громко смеётся и отпускает.

Спасибо, намёк дошёл.

Артём

Стакан с колой дрожит от басов. Не тот напиток, которым я планировал закончить вечер. *Спасибо, Мышь.*

Я уже думаю через сколько часов будет гуманнее её утащить домой, пока Макс

лениво скроллит ленту в телефоне, а Оксана ёрзает на стуле, явно закипая.

Она взорвётся. *Пять. Четыре. Три. Два...*

— Боже, да какие же вы скучные! — Ксю хватает нас за руки, безуспешно пытаясь поднять. — Ну хоть чуть-чуть подвигайтесь. Что, рассыплетесь?

— Ксю, иди сама, — тянет Макс, даже не поднимая глаз.

— А я что, танцевал когда-то? — подтруниваю, и она тут же строит мировое разочарование.

— Поверти там попой, а я посмотрю.

Макс отрывает глаза, но только для того, чтобы шлёпнуть её по заднице.

Ксю фыркает. Срывается с места, но тут же замирает, оборачиваясь ко мне.

— Тогда я с твоей сестрой познакомлюсь. Смотри, какая она классная. Видно, что не родная.

Кивает, на машущую руками в толпе Мелкую в другом конце зала.

— Удачи. Только не забудь сказать, что ты моя подруга. Она взбесится.

— Думаешь, я ей наши совместные фотки покажу?

— Оксан. Нет.

— Ладно, — сдаётся Ксю. — Пойду сама дёргаться с незнакомыми мужиками, а вы тут дохните со скуки. Как два пенсионера, — кривится, будто мы испортили ей день рождения, а не вечер, организованный мной.

И идёт к танцполу.

— Ксю, — окликаю. — Поглядывай за ней. Особенно чтоб белобрысый не лез.

— Спасибо! — вскидывает руки Оксана. — Теперь я ещё и надзиратель. Грустный, мать его, надзиратель.

Следующие десять минут становятся невыносимо скучными. Макс рассказывает, как тесты на интеграцию внезапно стали падать, и пришлось отлавливать каждый глюк вручную. Пока я, откинувшись на спинку велюрового дивана, киваю, делая вид, что слушаю.

Глаза то и дело выхватывают рыжую заметную Ксю. У неё ответственное задание: контролировать Мышь без моего явного вмешательства.

Делегировал, блядь.

Стакан с газировкой заканчивается, и я заказываю ещё, когда рыжая вдруг вырывается из толпы и, дыша, как загнанный йоркширский терьер, хватается пальцами за край деревянного столика.

— Боже, как жарко. Я устала, — делает несколько жадных глотков и с грохотом роняет бокал на столешницу. — Там

твоя, кстати, видел? Влезла на стойку и теперь зажигает так, что бармены рты поразевали.

— Мышь?! — я едва не давлюсь.

Бред. Книжки, заумные фразочки, попытки казаться выше всего этого — вот это она, Мышь. Но точно не барная стойка.

Убеждаю себя.

Но всё равно смотрю.

В свете прожекторов Мышь будто выставили на обозрение всему бару.

Волосы растрёпанные, блестят, она взмахивает ими так вызывающе, что у меня пересыхает горло.

Делаю глоток, но не хрена не спасает.

Она поднимает руки, короткий топ подскакивает, оголяя рёбра — я цепляюсь за секундную вспышку кружева.

Господи. Эти шорты до неприличия короткие. Эти каблукки, вытягивающие до бесконечности её и без того стройные ноги.

Блядь.

Почему она двигается так, будто всю жизнь отдала танцу. Я чего-то не знаю? Ритм живёт в ней — течёт под кожей, по венам, выливается в плавные движения бёдрами, от которых у меня едет крыша. Я больной. Больной на всю голову: потому что, вижу, как она двигается с таким же азартом на мне.

Да ну нахрен... она такая же в постели?

Снова давлюсь колой, но вкус пустой. Фразы друга мимо.

Мне вдруг хочется наблюдать это целую вечность: как она отпускает себя. Как чувствует своё тело. Как откидывает голову назад и закрывает глаза.

Ей абсолютно плевать на орущих внизу мужиков. Мне — нет.

Блядь, я же знаю её. Когда врёт, когда сдерживается, когда струсил. Но сейчас это будто совсем другая Мышь. Охренительно раскрепощённая.

Что мне, блядь, ещё сделать, чтобы ты такой же была со мной?

Сводит челюсть. Провожу языком по внутренней стороне щеки, отвожу взгляд — и всё равно через секунду пялюсь. Делаю глоток, потом ещё один. Ноль эффекта. Хочется дыма. Драки. Любой зацепки, чтобы выпустить пар.

Просто хочу, чтобы музыка стихла. Чтобы она остановилась. Чтобы я наконец смог дышать.

14. Ты это заслужил.

Ли́ка

Счёт — 2:1

Вываливаюсь вместе с громкой разгорячённой толпой наружу. Прохладный воздух липнет к коже и будто звенит от басов. А ещё пахнет дымом, ночным городом и чем-то сладким, что я никак не могу распробовать...

Свободой.

Ребята смеются, Ася пританцовывает босиком прямо у входа в бар с каблуками в руках. Рома плетётся рядом, не умолкая.

Я не всё слышу, но всё равно смеюсь, запрокинув голову: от того, как ловко всего от половины бутылки текилы робкий пикапер перевоплотился в моего личного аниматора.

Тусклый свет фонаря моргает прямо над нами. Я не сразу фокусируюсь, но яркая искра вспыхивает и цепляет взгляд.

— Ты куришь? — удивляюсь, различая в сумраке вдруг подкурившую Асю.

— Не-а. Только по пятницам, — отшучивается она и протягивает дымящийся окурок мне.

Тонкая струйка дыма тянется прямо в нос. Я морщусь. И, пожалуй, это второе из списка моих запрещённых желаний: попробовать и забыть. С первым, кажется, всё безнадежно.

Сидит где-то там, внутри, попивает коктейль и глазеет на мокрые майки. Но вот второе...

Беру. Неумело тяну и тут же закашливаюсь клубами вонючего дыма. Смех прокатывается по кругу.

— Отличницы не курят, — хохочет Лёха.

— Ага, — отпружиниваю в ответ. — А ещё не пьют больше твоего, и не пляшут на стойках.

— Выкуси, — ехидничает Ася, и протягивает мне ладонь, которую я с радостью отбиваю.

Смешки быстро гаснут, когда к нам подходит бородатый невысокого роста парень, вежливо просит «огонь».

Согреваюсь ладонями, вдыхая непривычно ароматный дым. Голова слегка кружит, но я всё равно машинально слежу за отдаляющимся силуэтом незнакомца, и только когда он возвращается в свою компанию, замечаю Артёма.

Стоит в двух шагах от меня, с этим бородачом и рыжей сказочной красоты девушкой. Она хихикает, пока Артём рассказывает ей что-то, оживлённо жестикулируя.

Со мной он так не общается.

Вслушиваюсь. Отслеживаю каждое движение его губ... и выдыхаю.

Неважно.

— Идём обратно? — наконец отвлекаюсь на возгласы одноклассников.

— Может туда, где потише?

— Давайте к Роме.

— Точно, гоу ко мне! — тут же соглашается мой изрядно выпивший сосед.

Лёха уже тянется за телефоном, вызывает такси. Парень рядом с ним, имя которого я внезапно забыла, орёт: погнали!

— У Ромки бассейн! — скачет Ася, дёргая мою руку, от чего меня начинает укачивать.

А хочу ли я ехать?

— Я за! — отвечает она, словно на мои мысли. — Крошка, но только с тобой. Меня одну вечно тянет на приключения.

— Блин, даже не знаю... — тяну я.

— Не обсуждается! — чуть покачиваясь, машет Рома, текила нещадно его догоняет, а я едва удерживаюсь, чтобы не расхохотаться, как нелепо он произносит, тыча в меня расфокусированным пальцем: — Эта красотка едет с нами.

— Дайте минуту.

Выдыхаю и машинально ищу хоть чьё-то плечо, чтобы не грохнуться.

— Эти сраные туфли мешают мне думать!

Скидываю одну, потом вторую. Ноги пекут, будто я прошла по раскалённым углям, и как только ступни касаются холодного асфальта, чуть липкого с песком и мелким гравием, я стону от кайфа:

— О да...

— Поехали домой, — вздрагиваю от резкого голоса рядом.

Рефлекторно дёргаюсь, откидывая волосы, чтобы убе-

диться, что мне, нахрен, мерещится.

Но нет.

Я держусь за плечо Артёма, пока все недоумённо на нас глазают.

— Чёрт, напугал! — вырывается грубо.

Не сразу соображаю, что пора бы перестать за него держаться, и нехотя убираю руку с единственной точки опоры, качнувшись.

— Прости, но... я, наверное, с ребятами, — тяну неуверенно, ощущая, как позорно щёки вспыхивают от внезапной близости.

— Нет. Ты едешь со мной.

Я моргаю. За спиной мои ребята присвистывают, а я скрепчиваю руки на груди и внимательнее вглядываюсь в эти наглые, цвета кофе глаза.

Он прикалывается?

— Ты, наверное, меня с кем-то спутал. Ты. Едешь. Один.

— Лик, это кто? — с тревогой в голосе интересуется Ася.

— Всё нормально. Это мой старший брат. С контролем вместо мозгов.

— Ныряй обратно в свои каблуки, — командует недобрат, тыча пальцем на мои босые ноги. Пытается заставить сделать то, что я не выполню даже под дулом пистолета. — Я жду в машине.

В руке ключ. Мазерати откликается коротким сигналом и послушно мигает фарами.

— Ну хоть кто-то тебе подчиняется, — бросаю вслед. Хочется рассмеяться, но, как на зло, смех застревает в горле.

Артём останавливает взгляд на мне.

— Мышь, для своего хилого тельца ты слишком упёртая. А я не железный. Сядь в машину! — цедит сквозь зубы. — Говорю в последний раз.

— Ты тупой? — делаю шаг вперёд. — Я сказала — нет. Проваливай.

Короткий беззвучный выдох срывается с его рта. Я даже, кажется, слышу, как он мысленно отсчитывает до трёх в такт гуляющим под кожей желвакам.

Вот уж не думала, что моё нежелание плясать под чужую дудку может довести кого-то до такого бешенства.

— Давай я расскажу, как всё будет? — небрежно бросает он.

— Не утруждайся.

— А мне не сложно.

В пару шагов Артём сокращает дистанцию почти до нуля, и я чувствую запах его арбузной жвачки.

— Вы час поплескаетесь в бассейне, а потом всю ночь ты будешь шастать в мокром белье. Или, скорее, вообще без него. Твоя подруга накидается, и пока её будет выворачивать на идеальный газон, ты будешь держать ей волосы и вспоминать слова своего «старшего брата». А этот белобрысый, — кивает на Рому, — захочет тебя трахнуть. Но, вот незадача, он не в твоём вкусе. Ты его отошьёшь. И вам будет стыдно

смотреть друг другу в глаза до самого, мать его, диплома. Представила? — Он чуть склоняет голову. — Отлично. А теперь — поехали.

И тянет меня за руку с такой настырностью, что я по инерции плетусь босыми ступнями по ледяному асфальту несколько шагов за ним.

Воздух в моей груди сжимается до горечи. Меня охватывает такой силы бешенство, что я выдёргиваю рывком руку из его сжатых пальцев, кожа саднит, а из меня вырывается крик:

— Хватит! — ярость жжёт лёгкие. — Наигрался в старшего брата? Теперь садись в свою грёбаную тачку и катись отсюда ко всем чертям!

— Не поедешь? — Он издевается.

— Не дошло ещё? Объясню доступнее: иди в пизду!

Он молчит. Щурится. Я не хочу, но всё равно разглядываю.

Вспышка. И клянусь, секунду назад он был там, а теперь стоит прямо передо мной. Успеваю только запрокинуть голову, как слышу:

— Сочту это за приглашение.

Вскрик, и он бросает меня на плечо.

Мир перевернулся: асфальт, голоса, свет фар — всё сливается, только теперь кверху тормашками. От пружинистых шагов у меня подкатывает тошнота, плечо больно давит в солнечное сплетение. Этот придурок тащит меня к машине,

будто я пустая сумка.

Я пыхчу, шиплю, бьюсь кулаками, в какой-то момент даже кусаю его за спину, но на языке вместо облегчения остаётся вкус кожаной куртки.

— Артём! — кричу, барахтаясь, пытаюсь выпрямиться. Просовываю руку за ворот и впиваюсь ногтями в затылок, чтобы хоть как-то ему навредить. Ору уже нечленораздельно, но он даже не сбавляет хода.

— Артём, блядь! — Я на грани. — Мудак, ты не меня сейчас тащишь, — вырывается, пока он распахивает дверь машины и ставит меня на землю почти броском. В плену его тела я дышу сбивчиво, слова застревают комом, но я их проталкиваю: — Ты тащишь всех, кто тебя бросил! Понял?

Попала.

— И знаешь что? Ты это заслужил.

15. Ротвейлер — мой?

Ли́ка

Счёт — 3:1

— Макс, ну перестань, — девушка на заднем сиденье вскрикивает, потом шепчет и раздаётся тихий чмок. Нет. Не чмок — это долгий, липкий поцелуй из самого отлетевшего ромкома.

На фоне гробовой тишины между мной и Артёмом эти приступы любви кажутся не просто неуместными, а почти издевательскими.

Я шумно выдыхаю, прижимаюсь лбом к холодному стеклу и слежу, как свет фонарей прыгает по капоту, распадаясь на полосы и блики.

В отражении — он.

С чётким неподвижным профилем, будто вырезанным из тьмы. С пальцами, застывшими на руле, будто они вплавлены. На запястье тяжёлые часы с чёрным циферблатом, поблёскивают в тусклом свете. Похоже, у него на каждый день своя коллекция часов и ледяного самообладания.

Под ровное убаюкивание мотора я блуждаю по собственным мыслям. От злости к обладателю сжатых губ осталась только копоть, а вот слова, разъедающие меня изнутри, безжалостно вдавливают в кресло.

Ты тащишь всех, кто тебя бросил. Ты это заслужил.
Блядь.

Стоит только повторить, и пальцы снова начинают дрожать. *Соберись.* Чтобы скрыть нервозность, тянусь назад к парню с бутылкой и, не спрашивая, делаю глоток прямо из горлышка.

Отлично, Лика. Теперь на языке помимо стыда сладкий спирт.

В голове вспыхивает всё разом: его рука на моём запястье, ледяной голос:

— *Ты час поплескаешься в бассейне и будешь ходить в мокром...*

Я вижу это ясно, будто всё ещё стою там, босиком, и...

— Чёрт! — вырывается вслух.

Артём резко косит на меня.

— Разворачивай. Быстро!

— Сдурела что-ли? Тут сплошная.

— Я их забыла! Из-за тебя! — бью со всей дури его по плечу. — Там мои туфли, придурок!

Взрыв смеха. Сначала один, потом целая цепочка хохота, пока я хватаю ртом воздух и сверлю глумящегося надо мной Артёма.

Сука!

— Смешно тебе?! Конечно, смешно. С такими часами, похоже, не до забытых туфель простолюдинов. Разворачивай!

— Так, остываем, — остужает меня мягкий женский го-

лос, но с таким командным оттенком, что спорить не хочется. — Держи.

Огненно-рыжие волосы мелькают сбоку и следом в поле зрения появляются мои туфли.

— Это, кажется, твои?

— Да... но откуда?.. — моргаю, всё ещё не веря.

— От высокого надменного верблюда.

Ловлю её ярко-зелёный взгляд, и своей живой искрой он напоминает мне Полину, которой мне жутко сейчас не хватает.

— Вообще, — девушка подаётся вперёд, устраиваясь удобнее локтями на спинках наших кресел. — Он не такой уж засранец, каким мог показаться.

Кивает на Артёма, а тот мгновенно косит взгляд на меня и снова возвращает к дороге.

— Между прочим, это он попросил их забрать, — *факт, который, видимо, должен прибавить ему карму.*

— Да ла-адно?! — изумлённо тяну я.

— Угу. — Все трое кивают.

— Какой красивый жест — насильно вынести девушку с её вечеринки и не забыть прихватить её туфли. Bravo!

— Да уж. Прости, Артём, тут мне крыть нечем. — Девушка разводит руками, а её парень с издёвкой ерошит Артёму волосы.

— Можешь написать заявление, — сухо подмечает Артём.

— И у меня есть шансы?

— Если вместо дома я посажу тебя в подвал — шансы возрастут.

Прикусываю губы на грани смеха и злости и, не сдержавшись, улыбаюсь в ответ.

Когда мы сворачиваем на знакомую улицу, натягиваю туфли. Сзади всё ещё слышны смешки и томные поцелуи. Так странно. В начале поездки бесили, а теперь почему-то греют.

Будто счастье всё-таки существует — просто сегодня оно не моё.

— Идите на задний двор, а я принесу выпивку, — спокойно уведомляет Артём, заглушая мотор.

— Я помогу, — неожиданно даже для самой себя откликаюсь я.

Шорох упаковок, глухие удары ножа о деревянную доску и редкое позвякивание посуды. Между нами звучит всё, что угодно, кроме слов.

Артём стоит у раковины, а я нарезаю закуски, украдкой за ним подглядывая: как моет яблоки, тщательно скрепя по кожуре пальцами, как по-хозяйски достаёт из шкафа снеки и гремит бутылками красного полусладкого.

Я впервые вижу его занятым чем-то на кухне.

Он дёргает голову в сторону, и я тут же возвращаю всё

внимание к сыру. Тонкие пластины падают, и отчего-то заставляют меня усмехнуться, когда я нахожу в них сходство с собственными мыслями — такие же липкие и в дырочку.

— Порежешь ещё вот это? — Он тихо подсовывает мне под руку салями.

— Угу, — отзываюсь я, отправляя кусочек в рот и нелепо застываю с огрызком в руке. *Чёрт, я едва его не угостила.*

Лика! Астрель Артёма и алкоголь — не смешивать!

Голландские ломтики сменяются салями с перцем, а неловкость от моей едва не состоявшейся выходки сменяется током от бедра до колена.

Нет, до пальцев.

— Извини, — выдыхает Артём, случайно меня коснувшись. Задерживает на полсекунды запястье, и всё-таки отступает.

В руках миска, а в глазах... не могу прочитывать.

— Да ничего, — пожимаю плечами, стараясь не прекращать монотонных движений ножа.

Странный такой. Когда тащил через парковку, слова были лишними. А теперь вдруг «извини» за случайное касание?

— Я о том, что перегнул, — шёпотом добавляет он, и на миг у меня застревает вдох. *Сам Его Величество Астрель извиняется?! — В баре.*

Нож висит над доской, а тишина такая, что слышно, как глухо падает ломтик сыра.

Не знаю, что сказать. Там, у бара, когда между нами бы-

ла привычная вражда, у меня было масса ответов. Я хотела кричать, оскорблять, втоптывать в грязь его самолюбие, даже кусалась. А теперь, когда вот так — честно, в голове обнулилось. Всё. На полке с ответами пусто.

Оборачиваюсь.

Стоит напротив. Волосы, как всегда, растрёпаны, руки опущены, но в пальцах, будто не миска, а невидимая вина.

Какое нелепое совпадение, у меня тоже что-то невыносимо ноет под рёбрами.

— Хорошо. Я тоже слегка наговорила лишнего, — начинаю тихо, но тут же прочищаю горло. — Нет. Не слегка. Прости, я правда так не думаю. Никто не заслуживает быть брошенным. Тем более ты.

Поток моих слов стремительно рассекает воздух, и я едва успеваю осознать, что вылетело больше, чем я бы позволила себе трезвой. Ровно на откровенно раздевающее мою душу: *тем более ты.*

Так, всё. Эта неловкая пауза затянулась. Мои широко распахнутые глаза ищут хоть какую-то реакцию больше, чем кофейный прищур и лёгкий наклон головы.

Я — слабак. Господи. Меньше всего хочу походить на поехавшую на нём, мелящую всё подряд дурочку. Но он столько «прошагал» сквозь собственные запреты ко мне. Почему я не могу сделать крошечный шаг навстречу?

Один удар сердца, и я тянусь на цыпочках, чтобы пригласить эту торчащую прядь, которая минуту назад упорно ме-

шала придумать достойный ответ, а каждое утро умиляет и сводит с ума.

— Ты вечно взъерошенный, — бормочу, словно объясняя миру очевидное. Или, если уж совсем откровенно, ищу любовью повод к нему прикоснуться.

Сосредоточенность на его волосах меня успокаивает: пальцы сами приглаживают пряди, которые категорически не хотят подчиняться — на секунду ложатся так как мне нужно, а потом пружинят обратно.

— Знаю, — улыбается он одним краем губ и, вместо того чтобы отстраниться, наклоняется ниже.

Божечки. Он поддаётся точно, как зверь, истосковавшийся по ласке. Ротвейлер — почему-то приходит на пьяный ум.

Я что, его приручила?

— Меня тоже бесит, они вечно живут своей жизнью.

Сердце делает пол-оборота и сбивается с ритма. Запах его парфюма так близко перебивает всё, даже остатки здравого смысла.

— А мне нравится, — вырывается из меня тише.

Если бы ты только знал, каких невыносимых усилий мне стоит не забрать это признание обратно.

— Только сейчас нравится?

— Что? — *Какого хрена он несёт?*

— Ну... после какого шота я стал для тебя привлекательнее?

Хочу возразить, но язык прирастает к нёбу, а стопы в пол.

Наблюдаю, как он отходит, достаёт из шкафчика что-то и следом ставит передо мной. Читаю: активированный уголь. В комплекте с питьевой негазированной.

— Пей, чемпионка. Сначала нам нужно снизить промилле.

Это он меня только что — отшил?!

Пока я, не моргая, глазею, не в силах пошевелить языком, он беззаботно собирает тарелки, закуски, режет чёртово яблоко, а потом проходит мимо и просто распахивает дверь.

— Ты идёшь?

— Десять достаточно? — от выданной порции ехидства, у меня у самой сводит скулы. И для пущего раздражения хрущу в пальцах блистером с плотно уложенными чёрными угольками.

— Зависит от того, какие у тебя планы на вечер, Мышь.

Вот же гад.

Стеклянная дверь схлопывается, оставив после короткое эхо.

— Пожалуй, я выпью двадцать.

16. Гав.

Ли́ка

Счёт — 0:0

Прозрачный след сквозь запотевшее стекло тянется вниз за моими пальцами — холодными, мокрыми, а если коснуться губ, то со вкусом вина. В отражении бокала скачут отблески лампочек, гирлянда мигает над головой, но свет не оттуда, он будто струится из самого вечера.

Или я слишком пьяная.

Беседка напоминает островок тепла. За её пределами сад — густой, тёмный, с подвижными кронами. При желании я могла бы разглядеть в них монстров, если бы не щемящее чувство спокойствия. Уж не знаю, виной тому компания или мне достаточно одного.

Устроившись на лавке, я поджимаю под себя ноги, впервые за день не переживая о том, как выгляжу. Я просто смакую момент.

Оксана, та самая рыжая, щебечет, размахивая бокалом без остановки. Макс, слава богам, её парень, бережно сдувает пепел вбок, чтобы не испортить вино. А испортить сыр.

Разговоры льются не хуже вина.

С Оксаной мы сошлись мгновенно. Уже спустя полчаса она взахлёб делится всем, что приходит в её рыжую голову:

как познакомилась с Максом, где они отдыхали, у кого училась её младшая сестра и какой цвет штор она до чёртиков не выносит. Деталей столько, что половина улетучивается сразу, но почему-то эти волны ненужной информации убаюкивают меня, подобно шуму радио.

Артём будто тоже выдохнул. Сидя напротив, неспешно потягивает вино и бессовестно таскает из моей тарелки единственный на этом столе, не приправленный пеплом сыр. Я осуждающе стреляю глазами и через раз шлёпаю его по тыльной стороне ладони, пресекая нахальство. Без толку.

Господи, какой же он в компании друзей живой! Даже эта обычно бесящая провокационная искорка в карие глаза, сейчас считается моим захмелевшим сознанием, как обещание отличного вечера.

Мне определённо нравится наблюдать его увлечённым: как хмурит густые брови до тонкой морщинки на лбу, когда спорит с Максом про суды, машины, что-то ещё далёкое от моего мира. Нравится наблюдать его спокойным, с чуть охрипшим размеренным голосом.

Особенно залипаю на том, как он водит медленные круги большим пальцем по краю бокала. Ловит мой глупый интерес и тут же вскидывает бровь, передразнивая улыбку: *вижу, как ты залипаешь* — переводит мой догадливый мозг.

К двум часам ночи Оксана, зевая, прижимается к Максиму.
— Поехали домой, — с щенячьей нежностью целует его

в щёку. — Я сейчас прямо тут усну.

А я уж успела наделить её суперспособностью болтать без устали.

Мы долго обнимаемся на прощание, они тискают меня, как родную.

— Вы её задушите, — шутит Артём, поднимаясь.

— Ой, не завидуй, — цокает Ксю и сжимает меня ещё крепче. — Лик, приезжай в гости, с меня сумка с клёпками.

Надо же, она кажется такой же пьяной, но всё равно запомнила. Громко смеюсь, и только когда Артём проходит, мягко задевая моё плечо, веселье обрывается на вдохе.

— Только не убегай, — мимолётом его шёпот врежется в волосы, и тут же ухнет вниз свербящим ознобом во все внутренности.

Я остаюсь наедине с мрачным садом, моргающими гирляндами. И с собой — что страшнее. Мысли пляшут в такт беспорядочным огонькам и вот-вот взорвут черепную коробку. Поэтому единственный способ не сбегать, который я нахожу, это плотно прижаться щекой к холодной столешнице. Должно помочь.

Нет. Видимо, не должно.

Настукиваю лбом по дереву: *я. не. бегу. Вдох. это. бессмысленно.* Все тропинки всё равно уведут к нему.

От неожиданного хруста ветки где-то во тьме вздрагиваю, озираюсь по сторонам. Не он. Видел бы сейчас мой способ медитации, решил бы, что я дура.

Закидываю голову, вглядываясь в чёрное небо, размытое огнями и набираю полную грудь воздуха.

Вдох. Выдох. Вдох. Хорошо. Выдох. Вдох.

А воздух стал прохладнее.

Даже немного отпускает, и я принимаюсь бездумно раскачивать остатки вина по стеклянным стенкам. Оцениваю цвет, тягучесть и степень своего опьянения.

Мы адекватные? — да.

Чего мы хотим? — Артёма.

Звучит убедительно.

Смеюсь от собственной тупости и допиваю последний сладкий глоток.

Да уж, теперь оценивать нечего.

— Где он? — ставлю бокал с нервным звоном, и взгляд сам собой плывёт по столу, упираясь в открытую пачку у самого края.

Четыре сигареты. Зажигалка.

Не сразу понимаю, зачем беру. Просто кручу в пальцах, достаю одну, провожу ею вдоль носа. Так щекотно и пахнет вишней.

Щелчок зажигалки — тихий протест или глупый эксперимент.

Спокойно, Лика, это лёгкое баловство совсем как... ночью голой войти в озеро, когда никто не смотрит.

Никто ведь не смотрит?

Артём

Блядь, нет. Только не говори, что ты спишь.

Наблюдаю Мышь, распластанную на столешнице, из тени, стараясь не хрустеть ветками. Лица не вижу, только растрёпанные волосы небрежно разбросаны, будто она сражалась с ветром, и он одержал победу.

И что мне с тобой делать? Утаскивать спать?

Чёрт, Мышь, ты срываешь мне планы...

Уже собираюсь шагнуть, как вдруг происходит редкое природное явление — акт самобичевания. Не иначе.

Три удара, пауза, ещё два. Мышка упрямо что-то пытается вдолбить в свою красивую коробочку. Думаю, показалось, но нет: ритм уверенный, бьётся смачно, с характером.

Будто считает удары: *Вдох. Выдох. Бух.*

Невольно мне приходит на ум другой способ вытрясти лишние мысли из её головы. Намного приятнее. *Помочь, или ты сама справишься?*

Румяная. Взъерошенная. Забавная Мышь запрокидывает голову и вздыхает, будто готовится к казни. Её пальцы топают по столу, пока я переминаюсь с ноги на ногу. Не сразу понимаю зачем, но неотрывно смотрю, как она задумчиво переминает картонную пачку, достаёт одну сигарету и подносит к лицу.

Нюхает?

Смешная. Втягивает с таким удовольствием, будто это не табак, а кусок пирожного.

Пламя дрожит, выхватывая её слишком невинное для таких пагубных привычек, лицо. Секунду решается, а потом берёт сигарету в рот.

Берёт. В рот. Матерь божья.

Затягивается.

Ты решила прям всё сегодня попробовать?

Такая вот маленькая бунтарка в кружевной кофточке — мир официально ёбнулся.

Когда она закашливается клубами ядовитого дыма и мило морщится, я еле сдерживаюсь, чтоб не заржать в голос.

— Пять минут без присмотра, и ты уже закурила? — ухмыляюсь из темноты, и Мышь дёргается, как пойманный на месте преступник.

Сажусь напротив, упираясь локтями в стол. Охренительно гремучая смесь: полумрак, вино и перепуганный взгляд Мыши.

— Сдашь маме, и я скажу, что это ты меня научил, — она подаётся вперед, видимо, чтобы шантаж сработал.

Миленько.

— Ради такого зрелища, Мышь, я заберу твою тайну в могилу, — усмехаюсь я, наблюдая, как она неуклюже перебирает почти потухший окурок в пальцах.

— А ты умеешь?

— Я? — даплюсь слюной. — Я всё делал вовремя. А вот чем ты занималась в свои пятнадцать, когда все курили в школьном туалете?

Мышка задумчиво вздыхает, подпирая щёку ладонью.

— Дай-ка подумать... Мелкая Мышь... читала книжки, делала домашку и смотрела «Друзей», — смеётся, до забавного сморщив нос. Подавляю навязчивое желание по нему щёлкнуть. — Да-а, мы с котом его обожали.

Мы с котом.

Блядь, говори ещё. Что угодно.

— Хорошая девочка, значит?

— ...была, — тихо поправляет она. И этот доверчивый взгляд исподлобья... — Научишь меня?

Научишь?!

Научишь, блядь?

Я тебя сейчас так... выучу. Во всех, мать его, позах.

— Ладно. — Мой голос садится, игнорировать ноюще-пульсирующий стояк становится слегка невозможно. Перекидываю ногу и стучу по скамейке прямо перед собой. — Иди сюда.

Мышь послушно двигается ближе. Садится ко мне. Узкая лавка тянется между наших ног так, что наши колени едва соприкасаются.

Мышь, между нами критически много загустевшего воздуха. Ближе.

Будто меня слышит и как всегда противится, она выпрямляет спину, добавляя ещё пару кубов ненужного пространства, и поджимает губы. Взгляд, перепуганный до смешного.

Достаю сигареты. Чиркаю зажигалкой. Пламя на миг вы-

хватывает её лицо, и охрентительно красиво дрожит в синих зрачках.

Продавливая фильтр губами, я хорошенько растягиваю обе. Забытая горечь заполняет рот, и не удержавшись, я делаю затычку, запрокидывая голову к небу.

Кайф.

— Вкусно тебе, да? — фыркает Мышка. — Я вообще-то тоже хочу.

Она тянет руку, берёт неумело, а точнее слишком профессионально, зажимая фильтр между подушечками большого и указательного пальцев, прямо как мой дед.

— Так курят сапожники, — смеясь, поправляю, вставляю между холодными чуть дрожащими пальцами, как надо. — А ты — девочка.

— Фу, она мокрая, — тут же морщится Мышка.

— Естественно, — даплюсь дымом со смеху. — Я же её курил.

— Что дальше?

Щёлкает под рёбрами, будто короткое замыкание.

Дальше, Мышка, ты топаешь со мной прямиком в ад.

Неровный живой огонёк дрожит, как её вдохи. Секунду слежу за ним прежде, чем расплыться в улыбке:

— Когда мне было девять, одна разбалованная девочка — ей было тринадцать — учила меня курить за гаражами, — говорю, натянув серьёзность.

— Правда?

— Угу, — громко выпускаю дым. — Если уж совсем честно, я потом всё лето был в неё влюблён.

Лица хохочет, чуть подаваясь вперёд. Запах вина, её кожи и вишнёвая сигарета — всё это смешивается в плотный дурманящий сгусток.

Подмигиваю:

— Она учила меня так. Затыгиваешься и говоришь: «Ой, мама пришла» на вдохе. Потом выдыхаешь: «Фух, показалось», — демонстрирую авторский метод на деле.

— Гениально, — выдыхает Мышь и, давась смехом, пытается повторить.

В первую же секунду закашливается с истерикой и с этим её хриплым «фу», которое в моих перепонках звучит, как музыка.

— Эй, давай серьёзное, — подтруниваю я, наслаждаясь, как соблазнительно тянутся её пухлые губы. — Мы тут вообще-то учимся делать взрослые вещи.

— Да ну? — не унимается.

Этот смех... Чистый, незащищённый, неожиданно вибрирует во мне разрядом, будто вокруг ничего нет. Только она и я.

Она шумно выдыхает, прикрывает глаза. Плечи ползут вниз. Затем отворачивается и долго гипнотизирует одну точку в глубине сада. Щёки пылают, а губы нарочно вытягиваются в трубочку, сбивая веселье.

— Достаточно серьёзно? — спрашивает через минуту, с

наигранно безэмоциональным лицом.

Киваю.

Наклоняюсь ближе. Она замирает, когда я откидываю рассыпанные пряди с её плеч и заправляю их за ворот топа. Было бы чертовски обидно спалить их, обучая Мышку травить свои лёгкие. Задеваю по касательной её тонкую шею и следом хочется провести языком — распробовать на вкус, просто, чтобы убедиться, что она настоящая.

— Уверена, что хочешь продолжить? — почти касаюсь губами уха.

Она вздрагивает:

— Нет, но... что, если это единственный способ узнать?

Господи, надеюсь, мы думаем об одном и том же.

— Хорошо. Ещё одна попытка, — чуть отстраняюсь, достаю из пачки последнюю. — Если не выйдет — так уж и быть, оставлю тебя примерной.

Подкуриваю. Дым тянется между нами серебряной нитью.

Она подаётся ближе, ладони находят опору на скамье между моими бёдрами, задевая пальцами джинсы.

Давай, Мышь, сместись правее — и сигарета тут же пойдёт нахер.

Мы начинаем дышать коротко, в унисон, когда я подношу сигарету к её губам, и она послушно берёт. Влажно и несмело.

— Тяни мягко, но не глотай, — шепчу, и она втягивает щёки до ямочек. — Дым должен заполнить твой рот.

От собственных слов тяжело сглатываю.

Моргаю, но поздно. Воображение уже сделало всё как надо. Мне остаётся только найти в себе силы спуститься ладонью вниз — по напряжённой тонкой шее, задеть ключицы и остановиться только на грудной клетке.

— Теперь вдыхай. Медленно.

Её белая кожа, обычно холодная, теперь обжигает пальцы. Прощупываю удары бешено колотящегося сердца.

Мышь пришла сюда не курить, я в этом уверен.

— Да... вот так... не спеши.

Дым тонкой струйкой покидает её рот, обжигая мне щёку вишней. А сразу за ним улыбка. Ослепительная, ликующая. Такой настоящей я ни разу не видел её на этих губах.

— Умница, — вырывается из меня хрипло.

Невыносимо просто наблюдать её рваное дыхание и ничего с эти не делать.

Мой взгляд опускается на её влажные губы. И всё остальное — меркнет.

— Скажи, что хочешь меня.

Давай, Мышь, признайся — сорви стоп-кран.

Она затихает.

Сглатывает.

Секунда — оглушительно долгая.

Потом плавно перекачивается вперёд, ближе. Ладони перебираются на мои бёдра, нерешительно продвигаются вверх, проминая ткань джинсов тонкими пальцами.

Теперь сглатываю я.

Её холодный кончик носа касается моего, дыхание смешивается. И я уже предвкушаю вкус её губ, когда она подныривает — и издевательски медленно проводит языком снизу вверх. Слизирует от моего подбородка до кончика носа.

Мокро. Пошло.

— Сучка, — меня коротнуло.

Швыряю окурок, хватаю её под колени. Рывок — и она на мне. Дрожит. Простанывает жаром мне в рот. Хватаю за волосы на затылке, удерживаю, заставляя смотреть мне в глаза.

— Ты хочешь меня?

В её сизых зрачках — нет, не страх. Я чувствую, как она потекла. Дергаю вниз, и она запрокидывает голову. Открывается шея, тонкая, прозрачная кожа. Вгрызаюсь в пульсирующую артерию: кусаю, вылизываю, оставляю засосы.

— Хочешь? — шиплю и жёстче стягиваю корни, удерживая её милое личико прямо перед своим.

— Блядь... да... Артём, — выдыхает Мышь и ёрзает. Выписывая круги бёдрами, поднимая во мне чудовищное желание реализовать все самые грязные фантазии с её участием прямо здесь.

Взрыв.

Моя маленькая храбрая Мышка сама выдернула чеку. Я чувствую это в каждом её движении, в каждом вздохе.

За спиной сцепляю её запястья в мёртвую хватку. Накидываюсь на губы — жадно, мокро. Глубоко проталки-

ваю язык, она отвечает своим — чертовски аппетитным, со вкусом дыма и сладкого вина. Кусает мою нижнюю губу и оттягивает. *Чёрт.* Я задыхаюсь от восхищения: абсолютно неузнаваема — дикая, необузданная Лика.

Вырывает запястья и тут же запускает пальцы в мои волосы, тянет — хочет, чтобы я ласкал её грудь.

Да кто я такой, чтобы отказывать?

Как она пахнет, господи. Я пропитываюсь её запахом насквозь, глотаю жадно, до першения в горле, лишь бы отпечатать нотку ванили и вишнёвого табака на подкорке. Хватаю за задницу — направляю, хочу вплавить её в себя. Выходит умопомрачительно метко.

Поверить не могу, вместо нормального траха с тёлками я выбираю подростковый секс с Мышью. В одежде. И это восхитительно, если бы не болезненно впивающаяся ширинка в и без того ноющий член.

Она продолжает неистово ёрзать горячей упругой задницей, будто это поможет стереть между нами одежду.

Разденемся, мышь?

Рывком стаскиваю с себя футболку через голову, не выпуская её. Она тут же впивается в шею, оставляя на коже острые слепки зубов, сползает языком по груди и плечам. Пока я выдыхаю в её волосы и черчу маршрут губами, языком, дыханием — от груди к шее, от шеи к губам.

Мышка сходит с ума со мной в одном ритме.

Пальцы сами нащупывают край её топа, тёплую кожу под

ним. Ныряю ладонью вверх, подхватываю грудь, и она мгновенно выгибается дугой.

Вжимаю сильнее.

Идеальный размер. Пышная, упругая двоечка. Сквозь кружево чувствую, как соски каменеют под моими пальцами, буквально выпрашивая ласку. Доводят мою Мышь до иступления.

Вот она — настоящая Лика: отзывчивая, несдержанная, приторно-сладкая до скрипа в зубах. Не играет, не желает понравиться, а дышит во мне, как кислород. Её дыхание заполняет лёгкие наглухо, как ядовитый вишнёвый дым: пронзает кровь убийственным спазмом — разрушает, жжёт, тянет под воду.

— Это лишнее.

Рывком задираю топ вверх, не давая опомниться. Она выдыхает, приподнимая руки, и я сдираю с неё этот ненужный кусок тряпки. Пока она откидывает спутанные волосы, я, не теряя ни минуты, скольжу ртом, не пропуская ни единого сантиметра кожи.

— Артём... — выстывает она, когда я, обезумев, втягиваю разбухший сосок, царапая его кружевом.

Хочу запомнить, как она дышит — коротко, судорожно. Как рвётся её голос, стоит мне чуть-чуть применить силу. Прикусываю край ткани, оттягиваю вниз — грудь выскакивает. Терзаю, ласкаю, втягиваю. Пальцами другой руки захватываю второй. Сжимаю туго, до её громкого всхлипа, и

тут же зализываю боль.

Контраст ощущений доводит мою Мышку до крайности: она резко дёргает ремень моих джинсов. Металлический звон бляшки отзывается в ушах почти как удар в гонг.

Её пальцы спешные, неловкие, цепляются за ткань, ощупывают, и у меня глохнет воздух.

— Да, детка... вот так. Не останавливайся, — вырывается у меня гортанным хрипом на её ледяные, настойчивые движения.

Хочу разорвать её. Хочу топить в ней свою силу, свой гнев, свой помутневший рассудок — тонуть в ней. Захлёбываться.

Блядь, я хочу кончить.

Так не пойдёт. Нужно срочно в неё.

С трудом нащупываю в кармане презерватив и, не глядя, опрометчиво громко шлёпаю упаковкой по столу.

Она дёргается от звука, и тут же вскидывает настороженный взгляд — сначала на причину хлопка, потом на меня. Становится скованнее.

Мышь боится? Плевать.

Срываю лифчик, не разбираясь с застёжкой — он улетает куда-то в сторону.

Пробегаю взглядом мгновенно, жадно, как по добыче: румянец, распухшие губы, грудь, вздымающаяся под рваным дыханием.

Хочу знать каждую клетку, вкус, изгиб, звук её голоса, ко-

гда кончит.

— Хочу... тебя... всю.

Пальцы сами находят кожу — гладят, жмут, спускаются по груди, по гладкому животу, к краю шорт.

Щёлкаю пуговицу и почти вырываю молнию...

— Артём... нет! Подожди!

Меня оглушает резкая боль. Она безжалостно вгрызается ногтями в мои запястья. И даже не думает выпускать. Рвано выдыхает. И, прячась в потрёпанных мной волосах, утыкается носом в мою шею.

Холодным. Мокрым. Носом.

Как у котёнка, которому, по степени испуга, я собираюсь не удовольствие доставить, а хладнокровно утопить в ведре.

Какого нахрен чёрта?!

Сжимаю челюсть до хруста. Сижу.

Молча слушаю её шумные выдохи. *Или это мои?* Тут, блядь, уже не разберёшь.

Больно, мать твою, Мышь. Мне больно. Ты безжалостная мелкая трусиха, думающая только о себе.

Хочу двинуться, но не могу. Её пальцы всё ещё кромсают ногтями мою саднящую кожу — слабые, но упрямые, будто этим хватом она удерживает нас обоих от чего-то катастрофически необратимого.

— Тсс... я не трону тебя, пока сама не попросишь, — шепчу в её макушку.

Чертовски смазливо и фальшиво звучит. Хотел бы сам себе верить.

— Всё хорошо.

Ни хрена не хорошо. Голая Мышь достигла апогея своих провокаций и теперь прячется от меня. В моих же объятиях. Бесконтрольно трётся горячей грудью так плотно, что на вдохе её соски прожигают жаром мой торс.

Пара резких движений, Мышь, и ты не успеешь вскрикнуть. Я нагну тебя через стол, сорву шорты и возьму всё, что теперь полагается мне по праву — бесцеремонно и так жёстко, как ты это заслужила.

С трудом втягиваю воздух, пытаюсь вернуть себе адекватный голос хоть каплей иронии. Как минимум, чтобы не рвануть в преисподнюю.

— Если всё слишком быстро... я подожду, — выдыхаю криво. — Минут десять точно выдержу.

Тёплый выдох качается моей шеи — то ли усмешка, то ли всхлип. Или вообще чих.

— Давай поговорим.

Молчит.

— Объясни мне, что происходит.

Молчит.

— Знаешь... это, пожалуй, самое болезненное «нет» в моей жизни, — говорю сам с собой. На приятную беседу тут уже никто не рассчитывает. С чего-то я взял, что откровенность растопит холодный мозг Мыши. Не говоря уже о спо-

собности снова двигаться.

Мышь только теснее утыкается в меня. Ладони соскальзывают с моих запястий, идут выше — по рёбрам, по пояснице, смыкаются где-то там, за моей спиной.

Она зарывается в меня — вся.

Грёбанный прилив дофаминовой нежности.

Кажется, я нащупал.

Подтягиваю её за подбородок, и подушкой большого пальца провожу по нижней губе — заставляю выпустить из зубов, она искусана в хлам.

— Лик, ты девственница?

— Я хочу одеться.

Ясно.

Молча тянусь за своей футболкой. Её вещи улетели в какое-то неопознанное направление, а отрывать её от себя и искать — не хочу.

— Отвернись, — выдаёт она неожиданно резким тоном, собирая грудь ладонями, в которые её пышные формы явно не умещаются.

Холодная, будто за последний час мы не успели сродниться.

— Ты издеваешься? — стараюсь притупить раздражение.
— Лика, я только что вылизывал твою грудь. Каждую. И тебе понравилось. Ты стонала.

Снова молчание.

Этот взгляд уже знаю. После него я стабильно иду на хер.
— Ладно, — шумно выдыхаю и, вопреки здравому смыслу, прикрываю глаза.

С чего взяться логике там, где её никогда не было?

Просто сижу. Пытаюсь остудить голову.

Что мы имеем: она на мне. Дышит, шуршит, будто нарочно елозит бёдрами. Её запах застрял в воздухе и липнет к гортани, смешивается с моим в идеальной пропорции. Мы имеем всё, кроме самой Мыши.

— Пошли в спальню, — шепчу, натирая ладонями её бёдра. Туда-обратно. *Я что, умоляю?* — Давай же, Мышка. Я сделаю всё аккуратно. Потерпишь чуть-чуть, потом так понравится. Попросишь ещё.

— Господи, Артём! Замолчи, — срывается она вполголоса, прикрывая вспыхнувшие алыми пятнами щёки. — Дело не в этом, ясно?

— А в чём тогда?

— Ты знаешь.

— Нет, не знаю! Я не понимаю, чего ты боишься. Ты же хочешь. В чём проблема?

— Мы не должны. Это неправильно. Мы... — Она запинаятся, снова принимаясь нещадно искусывать губы. *Давай, скажи. Кто мы?* — Мы не совместимы.

Слишком много ошибок в слове «сводные». Ладно, проработаем позже.

— Прекрасно совместимы, — ухмыляюсь зло, отчекани-

вая каждое слово. — Как два пазла. Если только у тебя нет члена. Его же у тебя нет?

— Послушай меня, — её холодные пальцы стискивают мои щёки, а сизый взгляд упрямо меня сверлит, — Всё, что произошло, — бред. Ошибка. Мы обязательно пожалеем.

— Лик, это просто секс, тупая физиология. Глупо отрицать очевидное. Нас тянет друг к другу.

Резко подтягиваю за талию её, сползающую вплотную. Выдох, больше похожий на полустон, удачно подтверждает мои слова.

— Может, вообще переспим пару раз — и нам наскучит. Перестанем трахать друг другу мозги. Или, не знаю... подружимся.

— Тупая физиология? — Её голос вздрагивает в коротком смешке. — Артём, мы что, животные?

— Гав, — выдаю самый непрошибаемый аргумент. Мышь мгновенно сжимает губы, подавляя предательскую улыбку. *Я вижу её, Мышь.* — Хочешь, дам лапу?

А ещё вижу, как ледники в сизых зрачках тают. Её пальцы — хрупкие, неловкие скользят по моим щекам, цепляются за щетину. Большой мягко проходит по моим приоткрытым губам. Чуть продавливая нижнюю, касается кончика языка. Размазывает влагу.

— Поцелуй меня, — шепот Мышки врезается в моё дыхание.

Кто я такой, чтобы не подчиниться?

17. Временная мера.

Ли́ка

Счёт — 1:0

Капли воды барабаныт по макушке, как по жестяному ведру. Сначала кажется, вот сейчас смочит, остудит, обнулит. Но нет. Каждая капля будто нажимает на внутренние кнопки: *щёлк, щёлк, щёлк*, — и запускает в голове бесконечную прокрутку кадров.

Господи.

Моё тело словно перестало быть моим.

Теперь это не кожа, не кости, а сплошной жар, сотканный из его касаний. Я чувствую его на себе даже сейчас, когда между нами вода, пар и пять метров воздуха. Даже стен.

Вот его губы. Лениво скользят по шее с этими сумасшедшими влажными звуками, от которых внутренности сворачиваются в тугий узел. Вот они уже ниже. Ласкают грудь, чередуя мягкие касания языка с доводящими до иступленной боли укусами.

Я дрожу от его рук, направляющих мои бёдра в умопомрачительные точные натирающие движения. Даже сквозь одежду я чувствую каждый сантиметр его горячего, твёрдого... настойчивого желания ко мне.

Хочу тебя всю.

Звучит его сладкой хрипотцой, и у меня от этих слуховых галлюцинаций снова предательски щекочет между бёдрами.

Помню, как царапала его плечи. Как целовала скулы, щетину на подбородке, как язык обводил край татуировки на груди — какие-то буквы в тонкой вязи, я так и не поняла смысл, но вкус его кожи запомнила идеально. Этот крышесносный запах...

Блядь.

Мысль тут же безжалостно ударяет молотом по виску. Жмурюсь, будто это поможет стереть вспышку.

Я трогала.

Его.

Член.

— Сука! — Мой голос врезается в мокрый кафель и рикошетит эхом.

Ты его не трогала — ты его натирала.

Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Прижимаюсь лбом к стене, потоки хлещут, а сердце бьётся с такой силой, будто способно выломать рёбра.

А через ткань это... тоже считается?

— Блядь, Лица!

Машинально врубаю холодную воду, чтобы сбить жар. Ледяные струи сползают по телу и почти справляются. Физически остужает. Ментально — только хуже.

Теперь хочется стереть не воспоминания, а саму себя.

Хватаю первое попавшееся платье. Голубой шифон с

оборками. Короткое, мягое, немного просвечивает и раздражающе липнет к влажной коже.

Плевать. Оно идеально соответствует своей хозяйке.

Утро и так встретило меня тошнотворной пульсацией в висках, поэтому фен даже не включаю — от одного его гула мозг бы просто лопнул на тысячу безмозглых осколков.

Так и стою, с мокрыми волосами, застыв на минуту у зеркала.

Как же хреново я выгляжу.

Губы распухли, кожа будто высохла, под глазами синяки. И...

— Сука, — выдыхаю, обнаружив под пальцами три засоса.

Три! На видных местах.

— Охренеть!

Желание провалиться сквозь землю внезапно дополняется другим — утянуть Артёма следом. Прямо в геологические недра стыда. Или ада.

Крадусь по лестнице на цыпочках, молясь, чтобы у Артёма внезапно возникли неотложные дела и его не оказалось дома.

Ага. В субботу. В восемь утра.

Нет, это уже не молитва — это отчаянная попытка уговорить реальность.

Солнечный свет из окна режет глаза, которые я и так с таким трудом держу открытыми. Мир раздражает буквально

всем: воздухом, яркостью, самым фактом своего существования.

Фух. Его не видно.

Шлёпаю босыми ступнями по полу, прижимая ладони к вискам. Так полегче.

Родители уже наслаждаются завтраком, что-то оживлённо обсуждают бодрыми голосами. Их утро существует в какой-то другой вселенной.

— Доброе утро! — Голос мамы пререзает воздух, в моей голове отзываясь подобно скрежету лезвия по стеклу.

Блин. Не так громко!

— Не очень оно и доброе, — бурчу, плюхаясь на своё место и стараясь максимально спрятать шею под влажными прядями. Сок. Срочно нужен сок. Витамин С против морального отравления.

— А выглядишь свежо, — дружелюбно поддевает Влад.

Меня хватает только на кислую пародию улыбки и осознание, что сын, похоже, не просто унаследовал от отца ехидство — он его совершенствует.

— Поешь? — Мама уже стоит с тарелкой.

— Блинчики, гренки, омлет... — перечисляет она, и с каждым новым словом тошнота подкатывает всё выше к горлу.

Ещё мгновение — и я бы отказалась, если бы не эти нетопливые шаги позади.

Чёрт!

— Ммм, блинчики, — тяну, спешно вцепившись в край тарелки, будто это не кусок фарфора, а спасательный круг.

Нужно срочно от него спрятаться. Исчезнуть. Испариться.

Нет, лучше закопаться. Глубоко с головой. Мысль залезть под стол вдруг кажется не такой уж бредовой. Даже гениальной.

Роняю вилку и в ту же секунду ныряю за ней.

Отдышаться. Просто дайте мне отдышаться.

Прижимаю прохладные тыльные стороны пальцев к разгоревшимся щекам. Легчает. Я по инерции глубоко выдыхаю, чуть выпрямив спину — и тут же со всего размаха бьюсь макушкой об стол. Так рьяно, что по ту сторону моего подстольного мира гремит посуда.

— Блядь!

Класс, Лика. Что дальше? Сидим, пока не закончится завтрак или уползаем сразу?

Он обходит стол, вижу только ноги. Если сядет, несложными вычислениями прикидываю в уме, я окажусь лицом к...

Нет! Нужен план получше.

— Чудесное утро, — раздаётся где-то сверху. Я прям слышу, как уголки его рта изгибаются.

Да он издевается! Чудесное?!

Конечно, теперь Артём не упустит ни единой возможности поизмываться надо мной.

Он садится напротив, пока я выползаю из-под стола и съевшись оседаю на собственном стуле. Чувствую каждой

клеточкой кожи как клеится его взгляд, вынуждая меня только глубже уткнуться в тарелку.

Сосредоточиваю всё своё внимание на блинчике. С таким фанатизмом на еду ещё никто не смотрел: передо мной не завтрак, а загадочный древнегреческий артефакт, требующий моей незамедлительной расшифровки.

Лезвие ножа вонзается в мягкое тесто. Руки дрожат. Бесмысленное усилие, потому что на деле мне даже есть не хочется.

Тошно. От еды и от самой себя.

— Ну, как вечеринка? — очень не вовремя интересуется Влад, непринуждённо отправляя в рот кусочек омлета.

Сердце разгоняется до предела.

Тишина мгновенно густеет, словно кто-то тоненькой струйкой подливает в воздух смолу.

Простой вопрос. Абсолютно безобидный. Но мой язык превращается в вату.

Машинально поднимаю глаза на Артёма.

Сука. Всё такой же красивый. До неприличия. Даже после бессонной ночи.

Мы же не спали вместе. Почему он выглядит как реклама здорового сна, а я — как его побочный эффект?

Пока мысли кружат в моей голове, он тянется за кофейником и неторопливо наливает себе. Как будто этот неловкий момент его вообще не касается.

Молча склоняет голову на бок, невербально обращаясь ко

мне, — ну?

В ответ я придвигаю ближе к нему кувшин сока — *отвечай сам.*

— Всё нормально. Было весело, — спокойно утоляет любопытство родителей он.

Мы что, теперь и мысли друг друга читаем? Телепатия как-то передаётся слюной?

На мгновение я выдыхаю.

Даже порываюсь отправить в рот кусочек блинчика, только вилка застывает в воздухе на его фразе:

— Кажется, мы даже нашли общий язык. Да, сестрёнка? — Эксклюзивно для меня он бессовестно смакует каждую грёбаную букву.

Я чувствую, как лицо мгновенно заливается багровыми пятнами.

Общий язык?!

Язык?

Может, ещё поделишься с ними, как я чуть не отдалась тебе прямо на лавочке?

Ярость тугой хваткой сжимает грудь, и от неловкости после вчерашнего остаётся только мелкая мокрая лужица.

— Тебе кажется, — выдавливаю из себя титаническим трудом сжатым до ровного тона голосом, сопровождая ответ самой невинной улыбкой.

Подражаю его наклону головы.

А что? Я просто поправила неточность.

Больше мы не говорим. Очень удачно тема перетекает в обсуждение компании Влада, и родители так увлекаются, что моё участие уже не требуется.

Фоном звуки продолжают ввинчиваться в мою гудящую голову: звякают приборы, стул скрипит, а пар от кофе стелется между нами, как дым сигарет накануне.

Я киваю через раз, даже не вслушиваясь в слова, просто слежу, как размазывается клубничное варенье по тарелке. Ритуал очищения. Ни кусочка в рот. Я не заслужила.

Может, стоило утром с ним поговорить? Сказать вроде: «Артём, это ошибка. Забудь» или «Ты правда думал, что я трезвая на такое способна?»

Хотя, а с чего я вообще взяла, что ему есть до меня дело?

Бросаю короткий взгляд на Артёма. Он тоже не ест — наблюдает за паром над кофе, будто в нём что-то, чего не разглядеть остальным. Потом лениво поднимает на меня глаза, сопровождая взгляд привычным взлётом брови.

— *Есть?* — проверка телепатической связи.

— Конечно.

Я дёргаюсь от оживлённого ответа мамы.

— Всё будет идеально. Я уверена, ты даже не переживай. Всё оформление беру на себя.

Что? Моргаю, задерживая на ней взгляд.

Нет, это не мне. Влад кивает, что-то говорит про корпоратив, Костю и упоминает маркетинг.

Звуки расплываются, пока моё внимание снова прилипает

к жиге из варенья.

— Так, ладно, я в ателье, — мама отодвигает стул с характерным скрипом, будто не по деревянному полу, а по моим нервам.

Я с силой вжимаю пальцы в висок. *Блин, мама!*

— Лик, захвати аспирин. У тебя ведь голова болит? — заботливо добавляет она. — В кладовке, на верхних полках. Найдёшь.

Супер. Повод сбежать.

Быстро поднимаюсь, машинально тянусь собрать волосы в хвост — и тут же одёргиваю себя, вспоминая про фиолетовые пятна.

Почти бегом направляюсь в кладовку. Захлопываю за собой дверь, даже не включая свет. Солнечный луч, тонкий и пыльный, падает из крошечного окошка под потолком и почему-то селится внутри тёплым пушистым комком непривычного спокойствия.

Тут я, пожалуй, выдохну.

Воздух оседает в лёгких сухим и знакомым запахом — крупами, коробками со старьём и даже немного напоминает детство.

— Где-то на верхних полках... — бормочу себе под нос, рыская глазами по стеллажам. — белая коробка с крестиком... *Нашла!*

Делаю пару попыток дотянуться на носочках. Да блин, даже в прыжке бесполезно.

Тяжело вздыхаю и ищу что-то, на что можно встать, направляя непослушные пряди за ухо — табурет, ящик или...
Замираю, пока сердце бьёт прямо в горло.

Артём возникает в проёме. Опирается плечом о косяк, прищурившись. Выжидает. В руках не хватает только попкорна.

Забавно, да? Наблюдать, как я отчаянно пытаюсь вырасти. Он даже не наблюдает — любит. И, кажется, получает извращённое эстетическое удовольствие.

— Ты... Ты что тут забыл? — срывается у меня чуть дрогнувшим голосом, пока я нервно одёргиваю оборки грёбаного платья.

Так, надо бы казаться пожёстче.

Тишина, затянувшаяся между нами, вдруг напоминает мне то самое клубничное варенье, с которым я вроде неплохо справлялась на блинчике, а здесь похоже, влипла.

Однозначно, если срочно ничего не предприму.

— Артём, я искренне верю, что в твоей кучерявой башке осталась хоть одна не атрофированная клеточка мозга — и ты распорядишься ею правильно, — шиплю, указывая пальцем сначала ему в лоб, потом на дверь. — Так что выйди. Сейчас же.

В ответ я не получаю такое же раздражение. Нет. Он просто молча захлопывает дверь.

Щёлк. И всё.

Мы вдвоём. Заперты в этих чёртовых двух с половиной

метрах. Крошечном, тёмном пространстве, где воздух теперь вязнет, будто его можно глотать. Пахнет им — тёплой кожей, с лёгкой горечью дезодоранта, и чем-то сладким, опасным от чего кружится голова.

Мои дела плохи.

Выловив знакомые нотки его парфюма, сознание тут же подсовывает обрывки: звон ремня, мягкий хруст ткани между пальцами, его охрипшее дыхание у самого уха.

Мне нужен воздух. Срочно. Хотя бы глоток.

Кидаю отчаянный взгляд на закрытую форточку. *Дура, ты не смогла добраться даже до полки.*

Отворачиваюсь, изображая, будто ищу что-то. А я ведь реально ищу. Пальцы нащупывают края банок, коробок, жестянок — жалкая попытка вспомнить, что именно.

— Мне кажется?... — Его голос гремит и проходит прямо по позвоночнику.

Он будто пробует, как мои слова звучат у него во рту, как ударяются о мою кожу. Словно кот трогает лапой мышь перед тем, как вгрызться ей в глотку.

Мышь, загнанную в кладовку. От этой мысли вырывается нервный смешок.

— Кажется?.. — Он делает шаг. Ещё один.

Я отступаю, но пятки скользят по плитке и встречают преграду — стеллаж.

Лёгкий наклон головы и едва заметный изгиб его губ почему-то заставляют меня вздрогнуть.

— Я... я буду кричать, — сиплю, не узнавая свой голос.

— Будешь. Я в этом не сомневаюсь.

Его тело окончательно вытесняет спасительные остатки чистого воздуха, и я по инерции глубже втягиваю лёгкую кислинку от кондиционера для белья на его рубашке.

— Давай-ка, Мышь. Я тебе кое-что напомним.

Его пальцы медленно прокатываются по внутренней стороне моего предплечья. Тонкая кожа тут же впитывает, пока он спускается ниже к изгибу локтя. Пальцы находят мою талию и сжимают в кольцо, задевая ребра. От его резкости под пупком натягивается тонкая нить до боли.

Соберись.

— Что это? — выпаливаю нарочно громко. Уверена, голосом можно разорвать эту сумасшедшую тягу.

Сгребая волосы на затылке, придерживая дрожащей рукой. Собираюсь вернуть контроль, но на деле просто подставляю ему шею.

Браво, Лика. Ты на чьей вообще стороне?

Горячее касание пальцев под ухом. Ниже ещё одно. И третье, на изгибе плеча.

— Это доказательство. На случай твоей амнезии. — Его лицо искажается в самодовольной ухмылке, пока пальцы продолжают изучающе гладить мою кожу. — Симпатично вышло. Тебе идёт.

Симпатично? Идёт?!

Я что, илюха?

— Прекрати, — шиплю, отшвыривая его руку.

Ты не хочешь, чтобы он прекращал.

Дыхание захлёстывает, но к собственному ужасу или разочарованию, я не чувствую больше его рук на себе.

— Что именно прекратить? — выдыхает он тихо, мягко притягивая меня за бёдра к себе вплотную. — Это?...

Да-а-а. Нет.

Чувствую каждую его натянутую мышцу, каждый рельеф. Еле сдерживаюсь, чтобы не заскользить по его охренительно выточенному торсу.

— Артём... — выдыхаю невнятно, машинально облизнув пересохшие губы.

Отступаю и сразу больно врезаюсь затылком в стеллаж. Шершавый край полки нащупываю пальцами.

Больше отступить некуда.

— Или это? — Его губы едва касаются щеки.

Нежность и провокация в одном флаконе. Выдержу ли я? Нет. Не выдержу. Я сдалась. Хочу сдаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.